Полковнику никто не пишет. Шалая листва. Рассказ человека, оказавшегося за бортом корабля

Автор:
Габриэль Гарсиа Маркес

Полковнику никто не пишет. Шалая листва. Рассказ человека, оказавшегося за бортом корабля

Габриэль Гарсиа Маркес

Габриэль Гарсиа Маркес: лучшее

Габриэль Гарсиа Маркес – величайший писатель XX века, лауреат Нобелевской премии, автор всемирно известных романов «Сто лет одиночества», «Любовь во время чумы» и «Осень патриарха».

В сборник включены ранние произведения писателя: «Полковнику никто не пишет», «Шалая листва», «Рассказ человека, оказавшегося за бортом корабля».

Габриэль Гарсиа Маркес

Полковнику никто не пишет; Шалая листва; Рассказ человека, оказавшегося за бортом корабля

Gabriel Garcia Ma?rquez

EL CORONEL NO TIENE QUIEN LE ESCRIBA

LA HOJARASCA

RELATO DE UN NAUFRAGO

© Gabriel Garc?a Marquez, and Heirs of Gabriel Garc?a Marquez, 1961, 1955, 1970

© Перевод. В. Капанадзе, 2020

© Перевод. Д. Синицына, 2020

© Перевод. Т. Шишова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Полковнику никто не пишет

Полковник открыл крышку и обнаружил, что кофе в банке осталось от силы на одну маленькую ложечку. Он снял с огня чугунок, выплеснул половину воды на земляной пол и старательно соскоблил ножом со стенок банки последние крупинки кофе вперемешку со ржавчиной.

В ожидании, пока закипит вода, полковник присел возле глиняной печки и, доверившись своим ощущениям, с наивным, почти детским выражением лица стал прислушиваться к себе. Ему казалось, что в его кишках завелись неведомые смертоносные грибы и водоросли. Стояло октябрьское утро. Начинался один из тех дней, что трудно пережить даже такому человеку, как полковник, а уж сколько он их пережил! На протяжении пятидесяти шести лет, что прошли после гражданской войны, полковник только и делал, что ждал. Октябрь был в числе того немногого, чего он все-таки дождался.

Его жена откинула москитную сетку, когда он принес ей в спальню кофе. Она всю ночь мучилась от приступа астмы и до сих пор пребывала в полусонном состоянии, но все же потянулась за чашкой.

– А ты?

– Я уже пил, – солгал полковник. – Там еще целая столовая ложка оставалась.

Зазвонил колокол. Полковник спохватился, что совсем забыл про похороны. Пока жена пила кофе, он отцепил один из концов гамака, скатал его и убрал за дверь. Жена то и дело вспоминала покойника.

– Он родился в двадцать втором году, – говорила она. – Седьмого апреля, ровно через месяц после нашего.

Она отхлебывала кофе маленькими глотками в промежутках между судорожными вдохами. Ее тело, некогда гибкое, стало малоподвижным. Затрудненное дыхание не позволяло ей повышать голос, отчего все ее вопросы звучали как утверждения. Допив кофе, она все еще думала о покойнике.

– Ужасно быть похороненным в октябре, – сказала она.

Но муж пропустил ее слова мимо ушей. Он открыл окно. На дворе уже воцарился октябрь. Разглядывая буйную сочную зелень и следы дождевых червей в мокрой глине, полковник вновь всеми внутренностями ощутил зловещую, всепроникающую сырость.

– Продрог до костей, – сказал он.

– Что ты хочешь, сезон дождей, – отозвалась жена. – С тех пор как зарядили дожди, я не устаю твердить тебе, чтобы ты спал в носках.

– Я так и сплю, уже целую неделю.

– И так вот – всё, – прошептала она. – Мы гнием заживо. – Она зажмурилась, чтобы ничто не отвлекало ее от мыслей об умершем.

Накрапывал мелкий назойливый дождь. Полковник с удовольствием закутался бы сейчас в шерстяное одеяло и снова забрался в гамак, но надтреснутая бронза колокола настойчиво напоминала о похоронах.

– Да, октябрь, – прошептал он, отходя от окна. И только тут вспомнил о петухе, привязанном к ножке кровати. Это был бойцовый петух.

Полковник отнес чашку на кухню и завел в гостиной стенные часы в деревянном резном футляре. В отличие от спальни, чересчур тесной для астматички, гостиная была просторная, с четырьмя плетеными качалками вокруг покрытого скатертью стола, на котором восседал гипсовый кот. На стене, напротив часов, висела картина, изображавшая лодку в зарослях тростника; в лодке сидела женщина, окруженная амурами и розами.

Когда он завел часы, стрелки показывали двадцать минут седьмого. Полковник отнес петуха на кухню, привязал его у очага, сменил в миске воду и высыпал туда пригоршню маиса. Через дыру в изгороди во двор проникли несколько ребятишек. Они сели вокруг петуха и молча стали его рассматривать.

– Хватит на него глазеть, – сказал полковник. – Петухам вредно, когда на них долго смотрят.

Дети застыли, по-прежнему не говоря ни слова. Потом один из них заиграл на губной гармошке модную песенку.

– Сегодня играть нельзя, – сказал полковник. – В городе покойник.

Мальчик спрятал гармошку в карман, а полковник пошел в комнату переодеться к похоронам. Приступ астмы помешал жене отгладить его белый костюм, и полковнику пришлось довольствоваться старым, из черного сукна, который после свадьбы он надевал лишь в особых случаях. Он с трудом отыскал его на дне сундука, где тот лежал завернутый в газеты и пересыпанный шариками нафталина. Жена вытянулась на постели, продолжая думать о покойнике.

– Сейчас он уже наверняка встретился с Агустином, – сказала она. – Только бы не рассказал ему, как туго приходится нам без него.

– По времени они должны бы уже обсуждать петухов, – сказал полковник. Он нашел в сундуке огромный старый зонт. Жена выиграла его в лотерею, проводившуюся в пользу партии, к которой принадлежал полковник. В тот вечер они пошли на спектакль под открытым небом, который не стали отменять, несмотря на дождь. Полковник с женой и Агустином – мальчику было тогда восемь лет – укрылись под зонтом и досмотрели спектакль до конца. Теперь Агустина нет в живых, а белую атласную подкладку зонта съела моль.

– Полюбуйся, что осталось от нашего клоунского зонта, – произнес полковник свою излюбленную фразу и раскрыл над головой нелепую конструкцию из металлических спиц. – Теперь он годится лишь для того, чтобы считать звезды. – Полковник улыбнулся. Но жена даже не посмотрела в его сторону.

Побрившись на ощупь, – зеркала у него давно не было, – полковник молча оделся.

Брюки, плотно, как кальсоны, облегавшие его ноги, застегивались на щиколотках и стягивались у талии двумя позолоченными пряжками. Ремня полковник не носил. Рубашка цвета старого порыжелого картона и сама твердая, как картон, застегивалась на медную пуговицу, державшую также и воротничок. Правда, воротничок порвался, и поэтому полковник решил обойтись без галстука.

Он готовился к выходу так, словно участвовал в каком-то особенном торжественном ритуале. Его костлявые руки, обтянутые прозрачной кожей, были усеяны коричневатыми пятнами, равно как и шея. Прежде чем надеть лакированные ботинки, полковник соскреб грязь с рантов. Взглянув на него, жена вспомнила, что так же он был одет в день свадьбы. И только тут заметила, как сильно постарел ее муж.

– Какой ты нарядный. Можно подумать, случилось что-то особенное, – сказала она.

– Так и есть. За столько лет первый человек умер своей смертью.

Дождь прекратился после девяти. Полковник собрался было выходить, но жена придержала его за рукав.

– Причешись, – сказала она.

Он попробовал пригладить гребенкой свою жесткую стальную щетину, но из этого ничего не вышло.

– Наверно, я похож на попугая, – сказал он.

Жена внимательно осмотрела его. «Нет, – подумала она, – на попугая он не похож». Сухощавый, но крепко сбитый, он ничем не напоминал неподвижных, словно плавающих в формалине стариков, – его глаза были полны жизни.

– Все в порядке, – подтвердила она и, прежде чем полковник вышел из комнаты, добавила: – Кстати, спроси у доктора: его что, кипятком у нас ошпарили, что ли?

Они жили на окраине городка, в домике с крышей из пальмовых листьев и облупившимися стенами. Было по-прежнему сыро, но дождь прекратился. Полковник спустился к площади по переулку, где дома плотно лепились друг к другу. Свернув на центральную улицу, он вдруг почувствовал озноб. Весь городок, насколько хватал взгляд, был устлан ковром из цветов. Женщины в черном поджидали траурную процессию у дверей домов. Полковник вышел на площадь, и тут опять заморосил дождь. Хозяин бильярдной увидел его от дверей своего заведения и, помахав рукой, закричал:

– Подождите, полковник, я дам вам зонт!

Полковник ответил, не повернув головы:

– Спасибо, не беспокойтесь.

Покойника еще не выносили. Мужчины в белых костюмах и черных галстуках стояли у дверей, раскрыв зонты. Кто-то из них заметил полковника, перепрыгивавшего через лужи на площади.

– Идите сюда, кум! – позвал он полковника и посторонился, освобождая ему место.

– Спасибо, кум, – ответил полковник, однако приглашением не воспользовался. Он хотел выразить соболезнование матери покойного и вошел в дом. И первое, что он заметил, это сильный запах разнообразных цветов. И сразу же ему стало невыносимо душно, и он попытался выбраться из толпы, запрудившей спальню. Но кто-то уперся рукой ему в спину и вновь втолкнул его обратно, в середину комнаты, мимо растерянных лиц, туда, где виднелись темные впадины высоко вырезанных ноздрей покойника.

У гроба сидела мать покойного, отгоняя мух веером, сплетенным из пальмовых листьев. Другие женщины, одетые в черное, смотрели на труп с таким выражением, с каким смотрят на течение реки. Неожиданно из глубины комнаты донесся голос. Полковник отодвинул какую-то женщину и, оказавшись рядом с матерью покойного, положил руку ей на плечо. Стиснул зубы.

– Мои глубокие соболезнования.

Не поднимая головы, она открыла рот и заголосила. Полковник вздрогнул. Он почувствовал, что бесформенная масса, разразившаяся жалобными причитаниями, толкает его на труп. Полковник пытался отыскать опору, но вместо стены натыкался на тела других людей. Кто-то шепнул ему на ухо мягким, ласковым голосом:

– Осторожно, полковник.

Он обернулся, увидел покойника, но не узнал его: при жизни сильный и энергичный, а теперь весь в белом и с кларнетом в руках, он выглядел таким же растерянным, как полковник. Когда полковник поднял голову, чтобы глотнуть ртом немного воздуха, он увидел уже закрытый гроб – раскачиваясь, он плыл поверх голов в сторону двери, по волнам цветов, сплющивавшихся о стены. Полковник вспотел. У него заныли суставы. Через некоторое время он понял, что стоит на улице, потому что по векам у него заструился дождь. Кто-то схватил его за руку и сказал:

– Скорее, кум, я ждал вас.

Это был дон Сабас, крестный его умершего сына, единственный из руководителей его партии, кто избежал политических преследований и продолжал жить в городке.

– Спасибо, кум, – сказал полковник и молча зашагал под зонтом. Оркестр заиграл похоронный марш. Полковник заметил, что не хватает кларнета, и только тут до него впервые дошло, что покойник действительно умер.

– Бедняга, – прошептал он.

Дон Сабас откашлялся. Он держал зонт в левой руке, почти на уровне лица, так как ростом был гораздо ниже полковника. Похоронная процессия миновала площадь, и мужчины начали потихоньку разговаривать. Дон Сабас повернул к полковнику расстроенное лицо и спросил:

– Как там петух, кум?

– Все в полном порядке, – ответил полковник, и тут вдруг раздался крик:

– Куда это вы тащите покойника?

Полковник поднял глаза и увидел алькальда, застывшего на балконе казармы в позе оратора. Алькальд был в трусах и фланелевой рубахе, небритый и опухший. Музыканты перестали играть. И тут же до полковника долетел знакомый голос падре Анхеля, что-то кричавшего в ответ. Полковник напряженно вслушивался в разговор, который заглушался шумом дождя, стекавшего с зонтов.

– Что там? – спросил дон Сабас.

– Ничего, – ответил полковник. – Говорят, нельзя проносить покойников мимо полицейской казармы.

– Я совсем забыл! – вскричал дон Сабас. – Все время забываю, что у нас осадное положение.

– Но мы же не поднимаем восстание, – возразил полковник. – Мы просто прощаемся с бедным музыкантом.

Процессия двинулась в другую сторону. Женщины из бедных кварталов поначалу встретили ее молчанием и только кусали ногти. Но потом выскочили на середину улицы со словами похвалы, благодарности и прощания, словно верили, что усопший слышит их в своем гробу. На кладбище полковник почувствовал себя совсем плохо. Когда дон Сабас, подтолкнув его к стене, чтобы пропустить вперед могильщиков с гробом, обернулся к нему с улыбкой, он увидел, что лицо полковника окаменело.

– Что с вами, кум?

Полковник вздохнул.

– Октябрь пришел, кум.

Возвращались той же улицей. Дождя уже не было. Небо расчистилось, став глубоким, ярко-синим. «Вот и дождь закончился», – подумал полковник. Он чувствовал себя лучше, но все еще прислушивался к своим ощущениям. Дон Сабас вернул его к действительности.

– Вам надо сходить к врачу, кум.

– Я не болен, – возразил полковник. – Просто в октябре всегда чувствую себя так, будто кто-то гложет мои внутренности.

– А-а, – сказал дон Сабас. И простился с полковником на пороге своего нового дома – двухэтажного, с коваными решетками на окнах. А полковник поспешил к себе, мечтая поскорее сбросить черный выходной костюм. И почти сразу снова вышел на улицу, чтобы купить в магазинчике на углу банку кофе и полфунта маиса для петуха.

* * *

Полковник занялся петухом, хотя по четвергам предпочитал лежать в гамаке. Дождь лил, не переставая, уже несколько дней. За прошедшую неделю таинственная растительность у него в животе сильно разрослась. По ночам он не мог уснуть – не давало свистящее дыхание жены. Но в пятницу под вечер октябрь сделал передышку, и товарищи Агустина – портные из мастерской, где он работал, и фанатики петушиных боев – воспользовались случаем и пришли посмотреть на петуха. Петух был в форме.

Когда гости ушли, полковник вернулся в комнату, где его ждала сгоравшая от любопытства жена.

– Ну, что они говорят? – спросила она.

– Все воодушевились, – сообщил полковник. – Собираются откладывать деньги, чтобы поставить на него.

– Не знаю, что они нашли в этой жуткой птице, – сказала жена. – Настоящая образина: голова слишком маленькая для таких ножищ.

– Они говорят, что это лучший петух в департаменте, – возразил полковник. – И стоит чуть ли не пятьдесят песо.

Он был уверен, что этот довод оправдывает его решение сохранить петуха, доставшегося ему в наследство от сына, застреленного девять месяцев назад во время петушиного боя за распространение нелегальной литературы.

– И что дальше? – сказала жена. – Когда кончится маис, нам придется кормить его собственной печенью.

Полковник, рывшийся в шкафу в поисках своих полотняных брюк, надолго задумался.

– Осталось несколько месяцев, – наконец сказал он. – Уже точно известно, что бои будут в январе. Потом мы сможем продать его еще дороже.

Брюки были мятые. Жена разложила их на плите и стала гладить двумя паровыми утюгами.

– Что это тебе приспичило выходить на улицу? – спросила она.

– Почта…

– Я совсем забыла, что сегодня пятница, – проговорила она, возвращаясь в комнату. Теперь полковнику оставалось надеть только брюки. Она мельком взглянула на его ботинки.

– Их уже давно пора выкинуть. Ходи в лакированных.

Полковник помрачнел.

– Они выглядят как сиротские. Всякий раз, как я их надеваю, мне кажется, будто я сбежал из приюта.

– А мы и есть сироты после смерти Агустина, – сказала жена.

И снова убедила полковника. Он отправился в порт раньше, чем засигналили катера. В лакированных ботинках, белых брюках и рубашке без воротничка, застегнутой на медную пуговицу. За маневрами катеров он наблюдал от склада сирийца Моисея. Пассажиры, измученные восьмичасовым неподвижным сидением на борту суденышка, спускались на берег. Как обычно, это были бродячие торговцы, а также местные жители, по какой-то надобности покинувшие городок на прошлой неделе и теперь вернувшиеся в свою обыденную жизнь.

Последним причалил почтовый катер. Полковник наблюдал за ним в тревожном ожидании. На палубе лежал почтовый мешок, привязанный к трубе и прикрытый куском брезента. Полковник сразу отыскал его взглядом. Пятнадцать лет ожидания обострили его интуицию. Петух обострил тревогу. С того момента, как на борт катера поднялся почтовый инспектор, полковник ни на мгновение не выпускал его из виду. Он следовал за инспектором по улице, параллельной порту, сквозь лабиринт складов и лавок, заваленных разноцветными товарами. Каждый раз, когда полковник совершал этот путь, он испытывал волнение – всегда особое, но непременно гнетущее, как страх.

Врач дожидался газет на почте.

– Жена просила узнать, доктор, не ошпарили ли вас кипятком в нашем доме? – осведомился полковник.

Врач был молодой брюнет с блестящими кудрявыми волосами, обладавший неправдоподобно безупречными зубами. Он стал расспрашивать о здоровье больной. Полковник отвечал обстоятельно и в то же время не сводил глаз с почтового инспектора, который раскладывал корреспонденцию по ячейкам. Его неспешные движения выводили полковника из себя.

Врач получил корреспонденцию вместе с пакетом газет. Отложив в сторону проспекты и рекламы научных изданий, он быстро просмотрел частные письма. Инспектор между тем раздал корреспонденцию находившимся на почте. Полковник напряженно вгляделся в ячейку, где оставляли письма на его имя. Конверт «авиа» с синей каймой увеличил его волнение.

Врач сломал печать на пакете с газетами. Пока он просматривал самые важные сообщения, полковник не спускал глаз со своей ячейки, ожидая, что инспектор остановится возле нее, но тот не остановился. Врач оторвался от газеты, посмотрел на полковника, потом на инспектора, усевшегося перед телеграфным аппаратом, потом снова на инспектора. И сказал:

– Пойдемте.

Инспектор не поднял головы.

– Для полковника ничего, – сказал он.

Полковник смутился.

– Я ничего и не ждал, – солгал он и посмотрел на врача своим детским взглядом. – Мне никто не пишет.

Почти всю обратную дорогу они молчали. Врач листал на ходу газеты, а полковник шагал в обычной для себя манере, напоминая человека, ищущего утерянную монету. Стоял ясный вечер. Миндальные деревья на площади роняли последние жухлые листья. Когда они подошли к дому, где принимал врач, уже начинало темнеть.

– Что нового? – спросил полковник.

Врач протянул ему несколько газет.

– Неизвестно, – сказал он. – Трудно вычитать что-нибудь между строк, пропущенных цензурой.

Полковник пробежал взглядом по заголовкам. Международные сообщения. Вверху четыре колонки, посвященные национализации Суэцкого канала. Первая полоса почти целиком занята извещениями о похоронах.

– На выборы надежды никакой? – спросил полковник.

– Не будьте наивным ребенком, полковник, – откликнулся врач. – Мы уже слишком взрослые, чтобы дожидаться Мессии.

Полковник хотел вернуть газеты, но врач сказал:

– Оставьте их у себя. Вечером прочитаете и завтра принесете.

В начале восьмого на башне зазвонили колокола киноцензуры. Падре Анхель, получавший по почте аннотированный указатель, использовал колокола, чтобы извещать паству о нравственном уровне фильмов. Жена полковника насчитала двенадцать ударов.

– Вредная для всех, – сказала она. – Уже почти год привозят картины, вредные для всех. – И, опустив москитную сетку, прошептала: – Мир погряз в разврате.

Полковник не откликнулся. Перед тем как лечь, он привязал петуха к ножке кровати, запер двери дома и распылил в спальне средство от насекомых. Потом поставил лампу на пол, подвесил гамак и лег читать газеты.

Он читал их в хронологическом порядке, от первой страницы до последней, включая объявления. В одиннадцать горн возвестил наступление комендантского часа. Через полчаса полковник закончил чтение, открыл дверь во двор, окутанный непроницаемой тьмой, и помочился у опорного столба, преследуемый комарами. Когда он вернулся в комнату, жена еще не спала.

– О ветеранах ничего не пишут? – спросила она.

– Ничего, – сказал полковник, погасил лампу и улегся в гамак. – Раньше хотя бы печатали списки новых пенсионеров, но последние пять лет ничего не пишут.

Дождь начался после полуночи. Полковник задремал, но тут же проснулся от боли в желудке. Услышал, что где-то в доме капает. Завернувшись с головой в одеяло, он пытался определить, где именно. По спине пробежала струйка ледяного пота. У него был жар, и ему казалось, будто он плавает по кругу в каком-то студенистом болоте. Кто-то с ним разговаривал. А он отвечал, лежа на своей походной кровати революционера.

– С кем ты там разговариваешь? – спросила жена.

– С англичанином, который нарядился тигром и явился в лагерь полковника Аурелиано Буэндиа, – ответил полковник и повернулся на другой бок; его сильно лихорадило. – Это был герцог Мальборо.

На следующее утро полковник проснулся, по-прежнему чувствуя себя отвратительно. Когда колокола зазвонили к мессе во второй раз, он вылез из гамака и шагнул в предрассветную мглу, прислушиваясь к пению петуха. Голова все еще кружилась; его тошнило. Полковник вышел во двор и направился к уборной сквозь смутные запахи сырости и приглушенные звуки, характерные для сезона дождей. Внутри деревянной будки с цинковой крышей резко пахло аммиаком. Полковник откинул крышку, и из ямы тучей взлетели треугольные мухи.

Тревога оказалась ложной. Сидя на корточках на помосте из нестроганых досок, полковник испытывал разочарование. Позыв сменился глухой болью в кишечнике.

– Сомневаться не приходится, – пробормотал он. – В октябре со мной всегда так. – И застыл на месте, доверчиво дожидаясь, когда утихомирятся грибы, разросшиеся у него в животе. Потом опять зашел в дом за петухом.

– Ночью ты снова метался в лихорадке, – сказала жена. Она начала наводить порядок в доме после недельного перерыва. Полковник силился вспомнить вчерашний день.

– Это не лихорадка, – солгал он. – Мне опять снилась паутина.

Как всегда после приступа, к жене вернулась ее неуемная энергия. За утро она успела все перевернуть в доме вверх дном и переставить все вещи, за исключением часов и картины с нимфой. Она была настолько миниатюрной и гибкой, что, когда перемещалась по дому в своих вельветовых тапочках и глухом черном платье, то казалось, будто она наделена способностью проникать сквозь стены. Но ближе к полудню она вновь обретала свой обычный вид и вес. В кровати ее почти не было заметно. Однако теперь, двигаясь между горшками с папоротниками и бегониями, она наполняла своим присутствием весь дом.

– Если бы уже прошел год со дня смерти Агустина, я бы сейчас запела, – сказала она, помешивая ложкой в кастрюле, где варились нарезанные кусочками все разнообразнейшие плоды, какие только способна рождать эта тропическая земля.

– Если хочешь петь – пой, – сказал полковник. – Это полезно для желчного пузыря.

Врач пришел после обеда. Полковник с женой пили кофе на кухне, когда он распахнул входную дверь и крикнул:

– Ну что, больные, живы еще?

Полковник шагнул ему навстречу.

– Не радуйтесь, доктор. Я всегда говорил, что ваши часы спешат.

Женщина ушла в спальню готовиться к осмотру. Врач с полковником остались в гостиной. Несмотря на жару, полотняный костюм врача выглядел безупречно. Когда женщина сообщила, что готова, врач встал и протянул полковнику конверт с несколькими листками, сказав при этом:

– Во вчерашних газетах об этом – ни слова.

Полковник так и предполагал. Это была сводка последних событий в стране, отпечатанная на мимеографе и предназначавшаяся для нелегального распространения. Сообщения о вооруженном сопротивлении в центральных областях. Полковник был потрясен. Десять лет чтения запрещенной литературы так и не научили его тому, что самые поразительные новости еще впереди. Когда врач вернулся в гостиную, полковник уже все прочитал.

– Эта пациентка здоровее меня, – сказал врач. – С такой астмой я готов прожить сто лет.

Полковник хмуро посмотрел на него и, помолчав, протянул конверт, но врач его не принял.

– Передайте другим, – сказал он тихо.

Полковник убрал конверт в карман брюк.

– В один прекрасный день я умру, доктор, и захвачу вас с собой в ад, – сказала больная, вернувшись в гостиную. В ответ врач лишь молча продемонстрировал свои изумительные зубы и размашистым движением приставил к столу стул. Потом извлек из чемоданчика несколько пузырьков с бесплатными образцами новых лекарств. Женщина тем временем направилась на кухню.

– Подождите, я согрею вам кофе.

– Нет уж, большое спасибо, – сказал врач. – Я не позволю вам отравить меня.

Женщина в кухне засмеялась. Закончив заполнять бланки, врач зачитал рецепт вслух, так как знал, что никто не сможет разобрать его почерк. Полковник изо всех сил старался сосредоточиться. Вернувшись в гостиную, женщина поняла по лицу мужа, что минувшая ночь не прошла для него бесследно.

– Сегодня под утро его залихорадило, доктор. Почти два часа бредил о гражданской войне.

Полковник вздрогнул.

– Это не лихорадка, – упрямо стоял он на своем. – Кроме того, когда я почувствую, что мои дела действительно плохи, я не стану ни на кого рассчитывать. Сам себя выброшу на помойку.

И отправился в комнату за газетами.

– Спасибо за цветы, – сказал врач.

До площади они дошли вместе. Воздух стал сухим. Асфальт начал плавиться от жары. Прощаясь с врачом, полковник еле слышно, почти не раскрывая рта, спросил:

– Сколько мы вам должны, доктор?

– Пока нисколько, – сказал врач и похлопал его по плечу. – Вот когда петух победит, пришлю вам гигантский счет.

Полковник держал путь в портняжную мастерскую, чтобы передать листовки друзьям Агустина. Мастерская стала для него единственным пристанищем с тех пор, как его товарищи по партии были убиты или высланы из города и он превратился в одинокого старика, единственной заботой которого было встречать по пятницам почту.

Дневная жара придала сил его жене. Расположившись на балконе среди бегоний, она поставила перед собой сундук, в котором хранилась совсем уже ветхая одежда, и снова творила чудо, создавая новые вещи из ничего. Воротнички из рукавов, манжеты из спинки и замечательные квадратные заплатки из пестрых лоскутков. Со двора доносилось монотонное стрекотание стрекозы. Отяжелевшее солнце потихоньку сползало к горизонту, но женщина не видела, как оно умирает за бегониями. Она подняла голову только вечером, когда полковник вернулся домой. Она сдавила шею обеими руками, потянулась и сказала:

– Мозги у меня уже ничего не соображают.

– А когда они соображали? – буркнул полковник; потом, вглядевшись в жену, с головы до ног украшенную цветными лоскутьями, добавил:

– Ты похожа на дятла.

– Поневоле сделаешься дятлом, чтобы одеть тебя, – сказала она и развернула рубашку, сшитую из трех кусков разного цвета. Только манжеты и воротник были одинаковыми. – Когда пойдешь на карнавал, тебе достаточно будет скинуть пиджак.

Ее слова заглушил звон колоколов, созывавших к вечерне.

– И возвестил ангел Господень Марии… – громко произнесла она слова молитвы, направляясь вместе с одеждой в спальню. Полковник побеседовал с детьми, зашедшими проведать петуха по дороге из школы. Потом вспомнил, что на завтра у них нет маиса, и пошел в спальню попросить денег у жены.

– По-моему, там оставалось всего пятьдесят сентаво, – сказала она.

Она держала деньги под матрасом, завязывая их узлом в уголке платка. Деньги эти были выручены за швейную машинку Агустина. На протяжении девяти месяцев они тратили их, сентаво за сентаво, на собственные нужды и на нужды петуха. Сейчас у них оставалось только две монеты по двадцать сентаво и одна в десять.

– Купишь фунт маиса, – сказала жена. – А на оставшееся купи кофе на завтра. И четыре унции сыра.

– И позолоченного слона, чтобы повесить на двери, – продолжил полковник. – Да один только маис стоит сорок два сентаво.

Она задумалась.

– Петух – животное, а стало быть, может потерпеть, – осторожно начала она, но выражение лица полковника заставило ее умолкнуть.

Полковник сел на кровать, уперся локтями в колени и, позвякивая монетами в кулаке, после паузы произнес:

– Будь моя воля, так я сегодня же приготовил бы из него рагу. За пятьдесят песо можно заработать великолепное расстройство желудка. – Он на мгновение умолк, прихлопнул комара на шее. Взгляд его передвигался по комнате, следуя за женой. – Ребята уже откладывают деньги, чтобы поставить на нашего петуха.

Теперь задумалась жена. Она бродила по комнате, разбрызгивая средство от насекомых. Полковнику вдруг почудилось, что она созывает на совет домашних духов. Но вот жена отставила распылитель на маленький алтарь с литографиями, и ее глаза цвета меда глянули прямо в его глаза цвета меда.

– Покупай маис, – сказала она. – Одному Господу известно, как мы теперь выкрутимся.

* * *

«Это как чудо с преломлением хлебов», – повторял полковник всю следующую неделю каждый раз, когда садился за стол. Жена, с ее поразительной способностью создавать новые вещи из старых, казалось, научилась и готовить из ничего. Октябрь продлил передышку. На смену сырости пришло сонное оцепенение. Воодушевленная медным сиянием солнца, жена три вечера посвятила своим волосам.

– А теперь начинается торжественная месса, – произнес полковник в тот день, когда она стала расчесывать длинные голубоватые пряди гребнем с редкими зубьями. На второй день, усевшись во дворе с белой простыней на коленях, она частой гребенкой вычесывала вшей, расплодившихся за время болезни. На третий день вымыла голову лавандовой водой, подождала, пока волосы высохнут, и уложила их на затылке небольшим узлом, закрепив его с помощью заколки.

Полковник ждал. По ночам, маясь без сна в своем гамаке, он непрерывно думал о петухе. В среду того взвесили, и оказалось, что он в форме.

В тот же день, когда товарищи Агустина весело прощались с полковником, предрекая петуху победу, полковник ощутил, что сам он тоже в форме. Жена подстригла его.

– Двадцать лет мне сбросила, не меньше, – сказал он, ощупывая голову. Жена подумала про себя, что муж прав.

– Когда я себя хорошо чувствую, я могу и мертвого оживить, – сказала она.

Но ее уверенность очень быстро улетучилась. В доме уже не оставалось ничего для продажи, кроме часов и картины. В четверг вечером, когда припасы заканчивались, жена встревожилась.

– Не волнуйся, – успокоил ее полковник. – Завтра будет почта.

На следующий день он поджидал катер возле консультации врача.

– Самолет – замечательная вещь, – говорил полковник, не отрывая глаз от мешка с почтой. – Говорят, он может долететь до Европы всего лишь за ночь.

– Может, – подтвердил врач, обмахиваясь иллюстрированным журналом.

В группе людей, ожидавших, когда катер причалит, чтобы зайти на него, полковник приметил почтового инспектора. Он и вступил на борт первым. Взяв у капитана запечатанный конверт, инспектор поднялся на палубу. Мешок с почтой был закреплен между двумя бочками с нефтью.

– Зато летать на самолетах опасно, – сказал полковник. Он было потерял из виду почтового инспектора, но быстро отыскал его вновь среди разноцветных бутылок с прохладительными напитками. – Человечеству приходится расплачиваться за прогресс.

– Современный самолет безопаснее катера, – сказал врач. – Он летает на высоте двадцать тысяч футов, так что любая буря ему нипочем.

– Двадцать тысяч футов… – повторил ошарашенный полковник, не в силах представить себе подобную высоту.

Врач втянулся в разговор. Он поднял журнал на вытянутых руках и добился его полной неподвижности.

– Устойчивость исключительная, – сказал он.

Но полковник уже переключился на инспектора. Он наблюдал, как тот пьет розовый пенящийся напиток, держа стакан в левой руке. Правой он поддерживал свой мешок.

– Кроме того, в море стоят на якоре корабли, поддерживающие постоянную связь с ночными самолетами, – продолжал объяснять врач. – Такие предосторожности делают самолет куда безопаснее катера.

Полковник посмотрел на врача.

– Ну конечно, – сказал он. – Это, наверно, все равно что на ковре сидеть.

Инспектор направился прямо к ним. Полковника вдруг охватило такое непреодолимое желание прочитать имя на конверте, запечатанном сургучом, что он непроизвольно отшатнулся назад. Инспектор развязал мешок. Передал врачу газеты. Вскрыл пакет с частной корреспонденцией, проверил количество отправлений по квитанции и начал просматривать адреса на конвертах. Врач развернул газеты.

– Снова суэцкий вопрос, – сказал он, пробегая глазами заголовки. – Запад теряет свои позиции.

Полковник не стал читать заголовки. Он старался побороть боль в желудке.

– С тех пор как установили цензуру, газеты пишут только о Европе, – сказал он. – Было бы лучше, если бы европейцы поселились у нас, а мы бы переехали в Европу. Тогда каждый узнал бы, что происходит в его собственной стране.

– Для европейцев Южная Америка – это мужчина с усами, гитарой и револьвером, – засмеялся врач, оторвавшись от газеты. – Они не понимают сути дела.

Почтовый инспектор вручил ему корреспонденцию. Остальное положил в мешок и снова завязал его. Врач хотел было приступить к чтению двух личных писем, но перед этим посмотрел на полковника. И спросил у инспектора:

– Для полковника ничего?

У того екнуло сердце. Инспектор забросил мешок на плечо, спустился с крыльца почты и сказал, не оборачиваясь:

– Полковнику никто не пишет.

Вопреки своей привычке полковник пошел домой не сразу. Он пил в портняжной мастерской кофе, пока товарищи Агустина листали газеты. И чувствовал себя обманутым. Он предпочел бы остаться здесь до следующей пятницы, лишь бы не возвращаться к жене с пустыми руками. Но вот мастерскую стали закрывать, и ему пришлось вновь окунуться в действительность. Жена ждала его.

– Ничего? – спросила она.

– Ничего, – ответил полковник.

В следующую пятницу он снова вышел встречать катер. И снова, как всегда, вернулся домой без долгожданного письма.

– Мы ждали более чем достаточно, – сказала ему в тот вечер жена. – Нужно обладать бычьим упрямством, как у тебя, чтобы ждать письма пятнадцать лет.

Полковник улегся в гамаке с газетами.

– Надо дождаться очереди, – сказал он. – Наш номер – тысяча восемьсот двадцать третий.

– С тех пор как мы ждем, этот номер уже два раза выигрывал в лотерее, – сказала жена.

Как всегда, полковник читал в газетах все подряд, от первой страницы до последней, включая объявления. Но на этот раз никак не мог сосредоточиться, думая о своей пенсии ветерана. Девятнадцать лет назад, когда конгресс принял соответствующий закон, начался оправдательный процесс, длившийся восемь лет. После этого понадобилось еще шесть лет, чтобы его включили в список ветеранов, о чем говорилось в последнем полученном полковником письме.

Он дочитал газеты уже после наступления комендантского часа. И хотел погасить лампу, как вдруг заметил, что жена не спит.

– У тебя сохранилась та вырезка?

Жена подумала.

– Да. Она должна лежать там же, где все остальные бумаги.

Жена откинула москитную сетку и достала из платяного шкафа деревянную шкатулку, в которой лежала пачка писем, сложенных по порядку и перетянутых резинкой. Она отыскала объявление адвокатской конторы, предлагавшей

действенную помощь в оформлении пенсии ветеранам войны.

– Не устаю повторять тебе, чтобы ты сменил адвоката, – сказала она, передавая мужу газетную вырезку. – Если бы ты послушал меня, мы бы успели не только получить деньги, но и истратить их. К чему дожидаться, пока их сунут нам в гроб, как индейцам?

Полковник прочитал вырезку двухлетней давности и убрал ее в карман рубашки, висевшей за дверью.

– Загвоздка в том, что на адвоката тоже нужны деньги.

– Ничего подобного, – уверенно возразила жена. – Можно написать им, чтобы они удержали нужную сумму из пенсии, когда она будет назначена. Это единственный способ заинтересовать их.

И вот в субботу под вечер полковник отправился к своему адвокату. Тот находился дома и беспечно покачивался в гамаке. Это был громадный негр, сохранивший в верхней челюсти всего два резца. Он сунул ноги в сандалии на деревянной подошве и открыл окно кабинета. Под окном пылилась пианола, заваленная бумажными рулонами, старыми бухгалтерскими книгами и прикрепленными к ним вырезками из «Диарио офисиаль» и разрозненными экземплярами бюллетеня Инспекторского надзора. Не объясняя причину своего прихода, полковник выразил обеспокоенность тем, как движется его дело.

– Я же предупреждал вас, что такие дела в несколько дней не решаются, – сказал адвокат, дождавшись паузы в речи полковника. От жары его совсем разморило. Он откинул спинку раздвижного кресла и теперь почти лежал в нем, обмахиваясь рекламной брошюрой. – Мои доверенные лица постоянно напоминают мне, что не следует терять надежду.

– Пятнадцать лет это тянется, – сказал полковник. – Смахивает на сказку про белого бычка.

Адвокат весьма красноречиво описал административные уловки. Кресло было слишком узким для его расплывшихся ягодиц.

– Пятнадцать лет назад было легче, – сказал он. – Тогда существовала муниципальная ассоциация ветеранов, куда входили представители обеих партий. – Он наполнил легкие раскаленным воздухом и изрек с таким видом, словно сам это придумал:

– В единстве – сила.

– В моем случае это не сработало, – сказал полковник, впервые осознав свое одиночество. – Все мои товарищи умерли, не дождавшись почтовых переводов.

Адвокат оставался невозмутим:

– Закон приняли слишком поздно. Не всем повезло, как вам, – стать полковником в двадцать лет. Кроме того, закон не устанавливал, из какого источника будут финансироваться пенсии, так что правительству нужно внести поправки в бюджет.

Знакомая история. Слушая ее, полковник каждый раз испытывал глухую досаду.

– Мы не просим милостыни. Нам не нужны одолжения. Мы рисковали своей шкурой, чтобы спасти Республику.

Адвокат развел руками:

– Все верно, полковник. Человеческая неблагодарность не знает границ.

И эта песня была знакома полковнику. Он услышал ее впервые уже на следующий день после заключения Неерландского договора, когда правительство обещало возместить убытки и помочь вернуться домой двумстам офицерам. Революционный батальон, состоявший в основном из бросивших школу подростков, расположился в Неерландии лагерем вокруг гигантской сейбы. Они ждали три месяца. Потом добрались домой, кто как смог, и дома все продолжали ждать. С тех пор прошло более пятидесяти лет, а полковник все еще ждал. Но теперь, растревоженный воспоминаниями, он наконец приступил к решительным действиям.

Он принял горделивую позу, уперся костлявой рукой в костлявое бедро и сдавленным голосом произнес:

– Итак, я принимаю новое решение.

Адвокат насторожился.

– А именно?

– Я меняю адвоката.

В кабинет вошла утка в сопровождении нескольких желтых утят. Адвокат привстал в кресле, чтобы прогнать их.

– Как вам будет угодно, полковник, – сказал он. – Как скажете, так и будет. Если бы я мог творить чудеса, я не поселился бы в этом птичнике.

Он вставил в дверь, ведущую во двор, деревянную решетку и вернулся в кресло.

– Мой сын работал всю свою жизнь, – сказал полковник. – Мой дом заложен. А закон о пенсиях стал пожизненной кормушкой для адвокатов.

– Только не для меня, – возразил адвокат. – Все деньги, вплоть до последнего сентаво, пошли на судебные издержки.

От одной только мысли о том, что он может оказаться несправедливым, полковник испытывал страдания.

– Именно это я и хотел сказать, – поправился он. – От этой жары голова кругом.

Через несколько мгновений адвокат принялся искать доверенность и в результате переворошил весь дом. Солнце тем временем передвинулось к центру его жалкой клетушки, сколоченной из нестроганых досок. После долгих безуспешных поисков адвокат встал на четвереньки и, отдуваясь, выдернул из-под пианолы сверток с бумагами.

– Вот она где. – Он протянул полковнику лист гербовой бумаги. – Надо написать моим доверенным лицам, чтобы они уничтожили копии, – добавил он. Полковник стряхнул пыль и положил бумагу в карман рубашки.

– А вы разорвите ее сами, – предложил адвокат.

– Нет, – ответил полковник. – Это двадцать лет моей жизни. – Он ждал, что адвокат продолжит поиски, но тот подошел к гамаку и вытер пот. Потом взглянул на полковника сквозь дрожащее марево.

– Мне нужны и другие документы, – сказал полковник.

– Какие?

– Расписка полковника Буэндиа.

Адвокат развел руками.

– Это совершенно невозможно, полковник.

Полковник заволновался. В свое время в качестве казначея повстанцев округа Макондо он совершил трудный шестидневный переход с казной повстанческой армии в двух сундуках, навьюченных на мула. Он добрался до Неерландского лагеря, волоча за собой мула, околевшего от голода за полчаса до подписания договора. Полковник Аурелиано Буэндиа – главный интендант повстанческих сил Атлантического побережья – выдал ему расписку и включил оба сундука в реестр имущества, сдаваемого при капитуляции.

– Это документы чрезвычайной важности, – сказал полковник. – И среди них – собственноручная расписка полковника Аурелиано Буэндиа.

– Не стану спорить, – сказал адвокат. – Однако эти документы прошли через тысячи рук и сотни учреждений, прежде чем оказаться неизвестно в каком департаменте военного министерства.

– Документы такого рода не могут пропасть, к какому бы чиновнику их ни направили, – сказал полковник.

– Но за последние пятнадцать лет много раз сменялись сами чиновники, – заметил адвокат. – Вспомните, за это время сменилось семь президентов, и каждый из них по меньшей мере десять раз менял свой кабинет, а каждый министр менял своих чиновников не менее ста раз.

– Но ведь никто не мог унести эти документы с собой, – сказал полковник. – Каждый новый чиновник непременно находил их на прежнем месте.

Адвокат впал в отчаяние.

– Но если теперь эти документы покинут министерство, они должны будут совершить новый круг, прежде чем вы опять попадете в список.

– Неважно, – сказал полковник.

– Это же еще сто лет ждать.

– Неважно. Кто ждет многого, дождется и малого.

* * *

Он отнес на столик в гостиной пачку линованной бумаги, ручку, чернильницу и лист промокательной бумаги. Дверь в спальню он оставил открытой на случай, если понадобится обращаться к жене. Она молилась, перебирая четки.

– Какое сегодня число?

– Двадцать седьмое октября.

Он писал очень старательно, положив руку, сжимавшую перо, на промокашку, и выпрямив спину, чтобы правильно дышать, как его учили в школе. Духота в закрытой гостиной стала невыносимой. Капля пота упала на бумагу. Полковник промокнул ее. Потом попытался стереть расплывшиеся буквы, но на бумаге осталось грязное пятно. Однако полковник не унывал. Сделав пометку, он приписал на полях: «Исправленному верить». Затем еще раз перечитал весь абзац.

– Когда меня внесли в список?

Жена, продолжая молиться, задумалась.

– Двенадцатого августа сорок девятого года.

Почти сразу после этого пошел дождь. Полковник заполнил страницу крупными, корявыми, похожими на детские буквами, какими его учили писать в государственной школе в Манауре. Потом заполнил вторую страницу – до середины – и поставил подпись.

Он прочитал письмо жене. Она одобрительно кивала после каждой фразы. Закончив читать, полковник положил письмо в конверт и потушил лампу.

– Ты мог бы попросить кого-нибудь перепечатать письмо на машинке.

– Нет, – отрезал полковник. – Мне уже надоело попрошайничать.

Полчаса он слушал, как стучит дождь по пальмовой крыше. На город обрушился настоящий потоп. После наступления комендантского часа опять где-то начало капать с потолка.

– Давно надо было это сделать, – сказала жена. – Свои дела всегда лучше вести напрямую.

– Это никогда не поздно, – сказал полковник, пытаясь определить, откуда капает. – Может быть, все решится раньше, чем истечет срок закладной на дом.

– Осталось всего два года, – сказала жена.

Он зажег лампу, чтобы найти течь, а обнаружив ее, подставил миску петуха и вернулся в спальню под резкий звук капель, ударяющихся о металлическое дно.

– Может быть, они решат дело до января, чтобы быстрее получить свои деньги, – сказал он и сам в это поверил. – К тому времени пройдет год со дня смерти Агустина, и мы сможем сходить в кино.

Она тихо засмеялась.

– Я уж и забыла, что это такое, – сказала она. Полковник попытался рассмотреть жену через москитную сетку.

– Когда ты в последний раз была в кино?

– В тридцать первом году, – сказала она. – Показывали «Завещание мертвеца».

– Драки там были?

– Неизвестно. В тот момент, когда призрак попытался украсть у девушки ожерелье, хлынул жуткий ливень.

Шум дождя убаюкал их. Полковник почувствовал слабую боль в желудке. Но это его не встревожило. Ведь он почти пережил еще один октябрь. Завернувшись в шерстяное одеяло, он уже спал, но вдруг очнулся, ощутив рядом хриплое дыхание жены. Она тоже проснулась.

– С кем ты разговариваешь?

– Ни с кем, – ответил полковник. – Я думал о том, что тогда, на совещании в Макондо, мы были правы, когда убеждали полковника Аурелиано Буэндиа не сдаваться. После этого все пошло под откос.

Дождь лил всю неделю. Второго ноября жена вопреки воле полковника отнесла цветы на могилу Агустина[1 - 2 ноября в католической традиции – День поминовения усопших.].

Когда она вернулась с кладбища, у нее начался новый приступ. Он оказался гораздо тяжелее, чем четыре октябрьских, которые полковник не надеялся пережить. Больную навестил врач. Покидая ее комнату, он громко сказал:

– Была бы у меня такая астма, я бы не беспокоился. Во всяком случае, заходил бы сюда в последнюю очередь. – Но потом поговорил с полковником наедине и прописал больной строгий режим.

У полковника тоже наступило обострение. Он часами сидел в уборной, обливаясь холодным потом и чувствуя, как гниют и распадаются на куски его внутренности.

– Все дело в зиме, – уговаривал он себя, чтобы не впасть в отчаяние. – Положение изменится, когда кончится дождь.

Он и в самом деле верил, что, когда придет письмо, оно застанет его в живых.

Настал его черед заниматься хозяйством, иначе говоря, каким-то образом сводить концы с концами. То и дело приходилось, сжав зубы, выпрашивать кредит в соседних лавочках.

– Только до следующей недели, – говорил он, не веря собственным словам. – В пятницу я должен получить кое-какие деньги.

Когда у жены кончился приступ, она была поражена его внешним видом.

– От тебя остались кожа да кости.

– Собираюсь повыгоднее продать себя, – сказал полковник. – Уже получил заказ от фабрики кларнетов.

Он держался только надеждой на письмо. Изможденный, страдающий от боли в суставах и бессонницы, он разрывался между домашними делами и петухом. Во второй половине ноября петух остался на два дня без маиса, и полковник уже думал, что тот окочурится, но тут вспомнил о горсти фасоли, которую повесил над плитой еще в июле. Он быстро вылущил стручки и положил петуху в миску сухие фасолевые зерна.

– Поди сюда, – позвала жена.

– Сейчас, – откликнулся полковник, следя за петухом. – Для хорошего аппетита нет плохой еды.

Он подошел к жене, которая пыталась приподняться в кровати. От нее исходил запах лекарственных трав. Отчеканивая каждое слово, она сказала:

– Ты немедленно избавишься от петуха.

Полковник знал, что такой момент неизбежно наступит. Он ждал его с того самого вечера, когда убили сына и он решил оставить петуха. Так что долго раздумывать ему не пришлось.

– Теперь уже не имеет смысла, – сказал он. – Через три месяца начнутся бои, и тогда мы сможем продать его гораздо дороже.

– Дело не в деньгах, – сказала жена. – Когда придут ребята, скажи им, пусть забирают петуха и делают с ним, что хотят.

– Я держу его из-за Агустина. Вообрази, с каким видом он рассказывал бы нам о победе петуха.

Жена представила себе счастливое лицо сына.

– Эти проклятые петухи его и погубили! – закричала она. – Если бы третьего января он остался дома, то, может быть, ничего страшного и не случилось бы.

Она указала костлявым пальцем на дверь и продолжила:

– У меня до сих пор в глазах стоит, как он собирался уходить с петухом под мышкой. Я умоля- ла его не ходить, а он рассмеялся: «Оставь эти страхи! Сегодня вечером мы будем купаться в день- гах».

Она в изнеможении откинулась на кровать. Полковник осторожно подложил ей под голову подушку. И его глаза встретились с ее глазами, так похожими на его собственные.

– Постарайся не двигаться, – сказал он, слыша, как что-то свистит у нее в груди. Женщина впала в забытье. Когда она снова пришла в себя, ее дыхание стало немного ровнее.

– Все это из-за того, что мы недоедаем, – сказала она. – Грех отрывать от себя кусок хлеба, чтобы накормить петуха.

Полковник вытер ей лоб уголком простыни.

– Три месяца как-нибудь продержимся.

– А что мы будем есть до тех пор?

– Не знаю, – сказал полковник. – Но если бы нам было суждено умереть с голоду, мы бы давно уже умерли.

Между тем петух, живой и здоровый, стоял у пустой миски. Увидев полковника, он тряхнул головой и произнес гортанный монолог почти человеческим голосом. Полковник заговорщически подмигнул ему.

– Жизнь – нелегкая штука, приятель.

Полковник вышел на улицу. Он бродил по городу, погрузившемуся в сиесту, ни о чем не думая и даже не пытаясь убедить себя в том, что выход из положения непременно найдется. Полковник шагал по пустынным улицам до изнеможения. И только тогда он повернул к дому. Заслышав шаги, жена позвала его.

– Чего тебе?

Она ответила, не глядя на него:

– Мы можем продать часы.

Полковник уже подумывал об этом.

– Уверена, что Альваро без разговоров выложит за них сорок песо. Помнишь, как он с ходу купил швейную машинку?

Она имела в виду портного, у которого работал Агустин.

– Ладно, завтра поговорю с ним, – согласился полковник.

– Зачем ждать до завтра? – возразила жена. – Ты отнесешь ему часы прямо сейчас. Выложишь их на стол и скажешь: «Альваро, я принес часы, чтобы вы купили их у меня». Он сразу поймет.

Полковник смутился.

– Это все равно что тащить по улице Гроб Господень, – возмущенно сказал он. – Да если меня увидят с этими часами, обо мне начнут слагать песни, не хуже, чем у Рафаэля Эскалоны[2 - Рафаэль Эскалона – колумбийский писатель, автор популярных песен.].

Жена убедила его и на этот раз. Она собственноручно сняла часы со стены, завернула их в газеты и отдала ему.

– Без сорока песо не возвращайся.

Сунув часы под мышку, полковник направился в портняжную мастерскую. Около дверей сидели приятели Агустина. Один из них пригласил полковника присоединиться к ним. Тот растерялся.

– Спасибо, – сказал он. – Я на минуту.

Из мастерской вышел Альваро и стал развешивать на проволоке, натянутой в коридоре, кусок мокрого полотна.

Это был крепкий угловатый молодой человек с блестящими от постоянного возбуждения глазами. Он в свою очередь пригласил полковника посидеть с ними. Полковник воодушевился. Пододвинув табурет к двери, он уселся и стал ждать, когда останется наедине с Альваро, чтобы предложить ему часы. Внезапно он обратил внимание на то, что у окружавших его людей какие-то странные, напряженные лица.

– Не буду вам мешать, – сказал он.

Молодые люди возмущенно замахали руками. Один из них наклонился к нему и чуть слышно произнес:

– Листовку написал Агустин.

– О чем?

– Все о том же.

Ему дали листовку. Он положил ее в карман и погрузился в молчание. Потом забарабанил пальцами по свертку, пока не заметил, что окружающие поглядывают на него. Он замер.

– Что там у вас, полковник?

Полковник старательно пытался избежать взгляда пытливых зеленых глаз Германа.

– Ничего особенного, – солгал он. – Несу часы немцу, может, починит.

– Да бросьте, полковник, – сказал Герман, стараясь завладеть свертком. – Подождите немного, я сам посмотрю их.

Не говоря ни слова, полковник прижал часы к груди. От усилий у него даже веки покраснели. Все вокруг уговаривали его:

– Разрешите ему посмотреть, полковник. Он разбирается в технике.

– Не хочу доставлять ему лишние хлопоты.

– Подумаешь, хлопоты, – сказал Герман. Он взял часы в руки. – Немец сдерет с вас десятку и ничего не сделает.

Он зашел с часами в мастерскую, где Альваро шил на машинке. У дальней стены сидела девушка и пришивала пуговицы. Прямо над ней, на гвозде, висела гитара, а чуть выше – табличка: «Говорить о политике запрещается». Оставшись без часов, полковник почувствовал себя неуютно и вытянул ноги, чтобы упереться ими в перекладину табу- рета.

– Какое же это дерьмо, полковник!

Он вздрогнул.

– Воздержитесь от ругательств.

Альфонсо поправил на носу очки, чтобы лучше рассмотреть ботинки полковника.

– Я про ботинки, – уточнил он. – Вижу, вы уже переобулись в лакированные.

– Но это можно сказать и другими словами, – ответил полковник и продемонстрировал подошвы своих лакированных ботинок. – Этим монстрам уже сорок лет, но они впервые в своей жизни слышат бранное слово.

– Готово! – крикнул Герман из глубины мастерской, и в это самое мгновение раздался бой часов. В соседнем помещении сразу застучали в стену, и какая-то женщина закричала:

– Не трогайте гитару, у Агустина еще год не прошел.

Все дружно засмеялись:

– Это же часы.

Появился Герман со свертком.

– Там все в порядке, – сказал он. – Если хотите, я провожу вас до дома: их надо ровно повесить.

Полковник отказался.

– Сколько я тебе должен?

– Не беспокойтесь, полковник, – ответил Герман, устраиваясь на своем месте. – В январе заплатит петух.

Полковник решил воспользоваться удобным случаем.

– Хочу предложить тебе кое-что, – сказал он.

– Что?

– Я дарю тебе петуха. – Полковник всмотрелся в лица присутствующих. – Дарю петуха вам всем.

Герман удивленно уставился на него.

– Я уже слишком стар для таких вещей, – продолжал полковник, стараясь придать своему голосу необходимую суровость и твердость. – И для меня это чересчур большая ответственность. Уже несколько дней мне кажется, что петух вот-вот протянет ноги.

– Не волнуйтесь, полковник, – сказал Альфонсо. – Дело в том, что в это время у петухов отрастают перья. Вот и у вашего сейчас раздражена кожа.

– Через месяц у него все пройдет, – подтвердил Герман.

– Все равно. Я не хочу его больше держать, – сказал полковник.

Герман сверлил его взглядом.

– Поймите, полковник: важно, чтобы именно вы представили публике петуха Агустина.

Полковник задумался.

– Я понимаю. Из-за этого я и держал его все это время. – Он стиснул зубы и, собравшись с духом, продолжил: – Жаль только, что до начала боев еще целых три месяца.

Герман догадался первым.

– Если дело только в этом, – сказал он, – то все решается очень просто.

И предложил свой выход. Все с ним согласились.

Вечером, когда полковник вернулся домой со свертком под мышкой, жена не смогла скрыть разочарования.

– Не получилось? – спросила она.

– Не получилось, – подтвердил полковник. – Но это уже не важно. Ребята сами вызвались кормить петуха.

* * *

– Подождите, кум, сейчас я дам вам зонтик.

Дон Сабас отворил шкаф, встроенный в стену конторы и скрывавший беспорядок внутри: горы сапог для верховой езды, стремена, поводья, алюминиевый ящик со шпорами. В его верхней части висело с полдюжины черных зонтов от дождя и разноцветный дамский зонтик от солнца. «Следы минувшей катастрофы», – подумал полковник.

– Спасибо, кум, – сказал он, опершись на подоконник. – Лучше я подожду, когда он перестанет.

Дон Сабас не стал закрывать шкаф. Он выбрал себе место за письменным столом с таким расчетом, чтобы до него доходила прохлада от электрического вентилятора, и вынул из ящика обернутый ватой шприц для подкожных инъекций. Полковник смотрел на миндальные деревья, которые сквозь дождь казались свинцовыми. Улица оставалась пустынной.

– Из этого окна дождь смотрится совершенно иначе, – сказал он. – Как будто он идет не здесь, а в каком-то другом городе.

– Дождь есть дождь, откуда бы вы на него ни смотрели, – возразил дон Сабас. Он кипятил воду для шприца прямо на письменном столе, покрытом стеклом. –

Сплошное дерьмо, а не город.

Пожав плечами, полковник прошелся по комнате; пол выложен зеленой плиткой, мебель обита яркими тканями. В глубине конторы беспорядочно громоздились мешки с солью, бурдюки с медом, седла. Дон Сабас смотрел на полковника отсутствующим взглядом.

– На вашем месте я бы так не думал, – сказал полковник. Он сел, скрестив ноги, и обернулся в сторону письменного стола, за которым сгорбился маленький человечек – расплывшийся, с дряблой кожей и лягушачьей тоской в глазах.

– Вам надо показаться врачу, кум, – сказал дон Сабас. – У вас слишком мрачное настроение после похорон.

Полковник поднял голову.

– Я чувствую себя совершенно нормально.

Дон Сабас ждал, пока закипит вода.

– Если бы я мог сказать то же самое о себе, – вздохнул он. – А вы счастливчик, вы даже медные шпоры можете съесть. – Он внимательно рассматривал свои руки, заросшие волосами и усеянные бурыми бородавками. На безымянном пальце помимо обручального кольца он носил перстень с черным камнем.

– Да, могу, – признал полковник.

Повернувшись к двери, которая вела в жилую часть дома, дон Сабас позвал жену. Потом страдальческим голосом стал рассказывать о своем режиме питания. Он вынул из кармана рубашки маленький флакон и выложил на стол белую таблетку величиной с горошину.

– Сплошное мучение – все время таскать их с собой. Будто носишь в кармане смерть.

Полковник подошел к столу, взял таблетку и разглядывал ее на ладони до тех пор, пока дон Сабас не предложил ему попробовать.

– Их кладут в кофе, – объяснял дон Сабас. – Это как сахар, но без сахара.

– Понятно, – сказал полковник и почувствовал во рту сладковатую горечь. – Как колокольный звон, но без колоколов.

Как только жена сделала дону Сабасу укол, он облокотился о стол и закрыл лицо ладонями. Полковник не знал, куда себя девать. Женщина выключила вентилятор, поставила его на сейф и направилась к шкафу.

– Зонтики почему-то напоминают мне о смерти, – сказала она.

Полковник ее не слушал. Сегодня он вышел встречать почту в четыре часа, но дождь заставил его укрыться в конторе дона Сабаса. Когда загудели катера, дождь все еще не прекратился.

– Все представляют себе смерть в виде женщины, – продолжила жена дона Сабаса. Она была выше и плотнее мужа, с волосатой родинкой над верхней губой. Голос ее походил на жужжание вентилятора. – А по мне, так она совсем другая. – Жена дона Сабаса закрыла шкаф и обернулась, перехватив взгляд полковника. – По-моему, она похожа на какое-то животное с копытами.

– Возможно, – согласился полковник. – Чего только не бывает на свете.

Он думал о том, что почтовый инспектор в клеенчатом плаще, должно быть, уже запрыгнул на катер. Уже месяц, как полковник сменил адвоката, и теперь у него были все основания надеяться на ответ. Жена дона Сабаса продолжала рассуждать о смерти, пока не заметила, что полковник ее не слушает.

– Я вижу, кум, вы чем-то встревожены, – сказала она.

Полковник очнулся.

– Да, кума. Я смотрю, уже пять, а петуху до сих пор не сделали укол.

Его слова поразили женщину.

– Укол петуху! Можно подумать, он – человек! – воскликнула она. – Какое кощунство!

Дон Сабас потерял терпение и, побагровев от гнева, прикрикнул на жену:

– Закрой рот хотя бы на минуту!

Она и в самом деле закрыла рот ладонями.

– Ты уже битых полчаса изводишь кума своими глупостями.

– Вовсе нет, – попытался возразить полковник.

Женщина хлопнула дверью. Дон Сабас вытер шею платком, надушенным лавандой. Полковник вновь подошел к окну. Дождь все не утихал. Безлюдную площадь торопливо перебегала курица на длинных желтых ногах.

– Петуху действительно делают уколы?

– Действительно, – подтвердил полковник. – На будущей неделе начнутся тренировки.

– Это просто безумие, – сказал дон Сабас. – Не представляю вас за этим занятием.

– Согласен, – сказал полковник. – Но это не повод для того, чтобы свернуть петуху шею.

– Безумие, – повторил дон Сабас. Его тяжелое дыхание напоминало полковнику звук работающих мехов, потухший взгляд вызывал сочувствие.

– Послушайте моего совета, кум, – сказал дон Сабас. – Продайте вы этого петуха, пока еще не поздно.

– Никогда не бывает слишком поздно, – сказал полковник.

– Будьте благоразумны, – настаивал дон Сабас. – Одним махом убьете двух зайцев: во-первых, избавитесь от всех этих забот-хлопот, а во-вторых, положите в карман девятьсот песо.

– Девятьсот песо! – воскликнул полковник.

– Девятьсот песо.

Полковник поразмыслил.

– Вы думаете, мне заплатят за него такие деньжищи?

– Я не думаю, – ответил дон Сабас. – Я совершенно уверен.

С такими крупными суммами полковнику не приходилось иметь дело с тех пор, как он сдал казну революционной армии. Когда он вышел из конторы дона Сабаса, то вновь ощутил сильную боль в животе. Но на этот раз он знал, что погода тут ни при чем.

На почте он сразу подошел к инспектору.

– Я жду срочное письмо. Авиапочтой.

Инспектор перебрал все конверты и снова разложил их по местам, не сказав ни слова. Только отряхнул ладони и выразительно посмотрел на полковника.

– Но сегодня мне должно было прийти письмо. Обязательно.

Инспектор пожал плечами.

– Только смерть приходит обязательно, полковник.

К его возвращению жена сварила маисовую кашу. Он молча ел, после каждой ложки погружаясь в задумчивость. Жена, сидевшая напротив, заподозрила неладное.

– Что с тобой? – спросила она.

– Я думаю о чиновнике, от которого зависит моя пенсия, – солгал полковник. – Через пятьдесят лет мы будем тихо-мирно лежать в могиле, а этому бедолаге придется мучиться каждую пятницу, гадая, назначили ему пенсию или нет.

– Плохой признак, – сказала жена. – Он говорит о том, что ты начинаешь сдаваться.

Она снова принялась за кашу, но, взглянув на мужа, поняла, что он по-прежнему погружен в раздумья.

– Ешь лучше кашу, пока не остыла.

– Вкусная, – одобрил полковник. – Где ты раздобыла маис?

– У петуха, – ответила жена. – Ребята натащили ему столько, что он решил поделиться с нами. Такова жизнь.

– Да, – вздохнул полковник. – В жизни такое случается, что нарочно не придумаешь.

Он посмотрел на петуха, привязанного у плиты, и в этот раз увидел его как-то по-новому. Жена тоже взглянула на птицу.

– Сегодня насилу отогнала от него детей, – сказала она. – Принесли старую курицу, чтобы петух потоптал ее.

– Обычное дело, – сказал полковник. – Полковнику Аурелиано Буэндиа в деревнях тоже приводили девушек.

Жене шутка понравилась. Петух что-то забормотал гортанным голосом, напоминавшим человеческий.

– Иной раз кажется, будто он вот-вот заговорит, – сказала жена.

Полковник снова взглянул на петуха.

– Петух первоклассный. – Он что-то подсчитал вполголоса, помешивая кашу. – Обеспечит нас едой года на три.

– Мечтами сыт не будешь, – сказала она.

– Это верно, но они придают сил, – ответил полковник. – Это как чудодейственные таблетки дона Сабаса.

Ночью он плохо спал, пытаясь отогнать мрачные мысли. На следующий день жена опять подала на обед маисовую кашу. Она ела молча, низко опустив голову, и полковник почувствовал, как ему передается ее плохое настроение.

– Что с тобой?

– Ничего, – ответила жена.

Он понял: теперь пришел ее черед обманывать. Попытался успокоить жену, но она его не слушала.

– Я думаю о том, что прошло уже почти два месяца после похорон, а я все никак не соберусь навестить мать покойного.

Она пошла туда в тот же вечер. Полковник проводил жену, а потом свернул к кинотеатру, привлеченный музыкой, что лилась из громкоговорителей. Падре Анхель, сидя на пороге своего дома, следил за публикой: проверял, кто пойдет в кино, несмотря на его двенадцать предупреждающих ударов. Крики ребятишек, пронзительная музыка, потоки света на небольшом пространстве перед входом приобретали физически ощутимую плотность. Кто-то из мальчишек прицелился в полковника из деревянного ружья.

– Как там петух, полковник? – спросил он требовательным голосом.

Полковник поднял руки:

– Петух в порядке.

Весь фасад здания занимала красочная: «Полуночная девственница».

Девственница красовалась в бальном платье, причем одна нога у нее была обнажена почти целиком. Полковник бродил вокруг кинотеатра, пока вдали не засверкали молнии и не загрохотал гром. Тогда он отправился на поиски.

В доме покойника ее не было. И домой она не возвращалась. Часы на стене остановились, но полковник прикинул, что до комендантского часа осталось совсем немного. Он ждал, слушая, как приближается гроза. И уже было собрался продолжить поиски, как жена наконец вернулась. Он отнес петуха в спальню. Жена переоделась и вышла в гостиную, где полковник успел завести часы и теперь ждал сигнала комендантского часа, чтобы пустить их.

– Где ты была? – спросил он.

– Да так… – отмахнулась жена. Не глядя на мужа, она зачерпнула стакан воды из кувшина и вернулась в спальню. – Кто бы мог подумать, что сегодня дождь начнется так рано?

Полковник промолчал. Услышав звуки горна, он пустил часы, закрыл окно и вернул стул на место. Когда он вошел в спальню, жена молилась с четками в руках.

– Ты мне не ответила, – сказал полковник.

– Что?

– Где ты была?

– Да заговорилась, – сказала она. – Я ведь столько времени не выходила из дому.

Полковник подвесил гамак. Запер дверь, распылил средство от насекомых. Затем поставил лампу на пол и лег.

– Не понимаю я тебя, – с грустью произнес он. – Самое плохое в бедности – это то, что она вынуждает говорить неправду.

Жена глубоко вздохнула.

– Я ходила к падре Анхелю. Хотела занять у него под обручальные кольца.

– И что он тебе сказал?

– Сказал, что закладывать святыню – грех. – Она опустила москитную сетку. – А два дня назад я пыталась продать часы. Но их никто не берет. Сейчас и совсем новые часы со светящимися цифрами продаются в рассрочку. По ним можно узнать время даже в темноте.

Полковник понял, что за сорок лет общей жизни, общего голода и общих лишений он так и не узнал как следует свою жену. Наверное, любовь их тоже постарела.

– И картина никому не нужна, почти у всех есть такие же. Я ведь даже в турецкие лавки заходила.

Полковник ощутил горечь во рту.

– И теперь все на свете знают, что мы умираем от голода.

– Я устала, – сказала жена. – Мужчины совершенно не думают о хозяйстве. Сколько раз я ставила на плиту котелок с камнями, чтобы соседи не догадались, что мы давно ничего не варим.

Полковник готов был сгореть со стыда.

– Это унизительно, – сказал он.

Жена откинула москитную сетку и подошла к гамаку.

– Я больше не намерена соблюдать условности и притворяться, – сказала она. – Хватит с меня разговоров о чести и достоинстве. – Ее лицо потемнело от гнева.

Зато на лице полковника не дрогнул ни один мускул.

– Двадцать лет ждать манны небесной, которую тебе обещают после каждых выборов, и в конце концов лишиться сына, – продолжила она. – Вот и все, чего мы добились.

К подобным упрекам полковник уже привык.

– Мы исполняли свой долг, – сказал он.

– А эти, в сенате, двадцать лет исполняли свой, получая по тысяче песо в месяц, – парировала же-на. – Посмотри на кума Сабаса: у него столько денег, что они не помещаются в его двухэтажном доме. А ведь он пришел в город простым бродячим торговцем. Наматывал на шею змею и ходил так, предлагая лекарства.

– Но он умирает от диабета, – сказал полковник.

– А ты умираешь от голода, – сказала жена. – Пойми наконец: достоинством сыт не будешь.

Сверкнула молния. Гром загрохотал над улицей, ворвался в спальню, прокатился под кроватью, словно груда камней. Жена метнулась за четками.

Полковник улыбнулся.

– Это тебе за то, что не умеешь сдерживать свой язык. Я всегда говорил, что Бог – мой союзник по партии.

Но на самом деле полковнику было не до шуток. Уже через минуту он потушил лампу и погрузился в невеселые думы. Темнота то и дело разрывалась вспышками молний. Полковнику вспомнилось Макондо. Десять лет ждал он, когда Неерландия выполнит свои обещания. Однажды во время сиесты он сквозь сон увидел, как к нему приближается желтый пыльный состав, переполненный задыхающимися от жары мужчинами, женщинами, животными, которые теснились даже на крышах вагонов. Начиналась банановая лихорадка. За какие-то сутки городок преобразился. «Уеду, – сказал тогда полковник. – Меня мутит от запаха бананов». И он уехал из Макондо обратным поездом в среду, 24 июня 1906 года, в два часа восемнадцать минут пополудни. Понадобилось полстолетия, прежде чем полковник понял, что не знал ни минуты покоя с тех

пор, как была сдана Неер- ландия.

Он открыл глаза.

– Значит, и нечего больше об этом думать.

– О чем?

– Да о петухе, – сказал полковник. – Завтра же продам его куму Сабасу за девятьсот песо.

* * *

Через окно в контору долетали жалобные стоны кастрированных животных и крики дона Сабаса. «Если он через десять минут не появится, я уйду», – решил про себя полковник после двух часов ожидания. Но ждал еще двадцать минут. Когда он наконец совсем собрался уходить, в конторе неожиданно появился дон Сабас в сопровождении работников. Несколько раз он прошел мимо полковника, даже не взглянув на него. И только когда работники ушли, он заметил полковника.

– Вы меня ждете, кум?

– Да, – сказал полковник. – Но если вы очень заняты, я могу прийти позже.

Дон Сабас был уже за дверью и не услышал его.

– Сейчас вернусь! – крикнул он.

Полдень выдался знойным. Контору заливал нестерпимо яркий свет с улицы. Разомлевший полковник прикрыл глаза, и перед его мысленным взором возникло лицо жены. В контору на цыпочках вошла жена дона Сабаса.

– Устраивайтесь поудобнее, кум, – сказала она. – Сейчас задерну шторы, а то здесь настоящее пекло.

Полковник смотрел на нее непонимающим взглядом. А она задвинула шторы и продолжала говорить в полумраке.

– Вы часто видите сны?

– Иногда, – ответил полковник. Ему было стыдно, что он задремал. – И почти всегда мне снится, будто меня окутывает паутина.

– А меня каждую ночь мучают кошмары, – сказала женщина. – И вот я решила узнать, кто эти люди, которых я вижу во сне. – Она включила вентилятор. – На прошлой неделе у моего изголовья появилась незнакомая женщина. Я набралась смелости и спросила, кто она такая. И она ответила: «Я та женщина, что умерла в этой комнате двенадцать лет назад».

– Всего два года минуло, как этот дом построили, – сказал полковник.

– То-то и оно, – сказала жена дона Сабаса. – Это значит, что даже мертвецы ошибаются.

Под жужжание вентилятора сумрак сгущался быстрее. Полковнику было не по себе, его угнетала собственная вялость и болтовня женщины, которая от снов перешла к тайне переселения душ. Он ждал паузы, чтобы распрощаться и уйти, но тут в контору вошел дон Сабас в сопровождении управляющего.

Он открыл сейф, вручил управляющему пачку денег и сделал кое-какие распоряжения. Управляющий раздвинул шторы и начал пересчитывать деньги. Дон Сабас посмотрел на полковника, сидевшего в глубине конторы, однако и не подумал подойти к нему, а продолжал беседовать с управляющим.

– Я уже четыре раза разогревала тебе суп, – сказала женщина.

– Да хоть десять раз, – ответил дон Сабас. – Не действуй мне на нервы.

Когда он снова собрался уходить, полковник поднялся. Дон Сабас, уже взявшийся за ручку двери, остановился.

– Что там у вас, кум?

Полковник заметил, что управляющий смотрит на него.

– Да ничего, кум, – сказал он. – Я хотел бы поговорить с вами.

– Так говорите прямо сейчас. Я тороплюсь.

Дон Сабас нетерпеливо поигрывал ручкой двери. Полковник чувствовал, как уходят секунды – самые долгие пять секунд в его жизни.

– Я по поводу петуха, – стиснув зубы, пробормотал он.

Дон Сабас наконец открыл дверь.

– По поводу петуха, – повторил он с улыбкой и подтолкнул управляющего в сторону коридора. – Пусть весь мир провалится в тартарары, а мой кум все равно не перестанет носиться со своим петухом.

И добавил:

– Хорошо, кум. Я сейчас вернусь.

Полковник неподвижно стоял посреди конторы, пока их шаги не смолкли в конце коридора. Тогда он вышел наружу и зашагал по улице, застывшей в воскресной сиесте. У портных в мастерской никого не было. Консультация врача не работала. Никто не стерег товары в витринах у сирийцев. Река блестела, как стальная лента. Какой-то человек спал в порту на четырех бочках с нефтью, надвинув на лицо шляпу от солнца. Полковник шагал к дому, уверенный, что он единственный в городе, кто осмелился выйти в такое время на улицу.

Жена ждала его с полным обедом.

– Я купила все это в долг и обещала, что заплачу завтра утром, – объяснила она.

За обедом полковник рассказал ей о том, как он провел в конторе дона Сабаса последние три часа. Жена слушала его с раздражением.

– Тебе просто не хватает твердости, – в конце концов сказала она. – Ты ведешь себя так, будто просишь милостыню. Надо было отозвать кума в сторонку и, не тратя лишних слов, объявить ему: «Кум, я решил продать вам петуха».

– Если бы все на свете было так просто, – сказал полковник

Жена хлопотала с самого утра. До его прихода она приводила дом в порядок и потому была одета довольно необычно: старые ботинки мужа, клеенчатый фартук, голова обмотана цветастой тряпкой, завязанной узелками на ушах.

– У тебя совсем нет деловой хватки, – сказала она. – Продавать надо так, будто ты покупаешь.

В своем наряде жена выглядела довольно забавно.

– Оставайся во всем этом, – улыбаясь, прервал он ее. – Ты похожа на человечка, который изображен на коробке с овсянкой.

Она сняла тряпку с головы.

– Я говорю с тобой серьезно. Сейчас я отнесу петуха к куму, и бьюсь об заклад на что хочешь: через полчаса я вернусь и принесу девятьсот песо.

– Вижу, от такой суммы у тебя голова закружилась, – сказал полковник. – Ты уже начинаешь ставить на петуха. – Ему стоило большого труда ее отговорить. С самого утра она подсчитывала в уме их расходы на ближайшие три года, когда им больше не придется каждую пятницу гадать, как бы свести концы с концами. Она приготовилась получить девятьсот песо. Составила список самых необходимых вещей, не забыв о новых ботинках для полковника. Нашла в спальне место для зеркала. Внезапное крушение всех планов вызвало в ней смешанное чувство стыда и досады.

Она прилегла отдохнуть, а когда встала, полковник сидел во дворе.

– Ну и что ты теперь делаешь? – спросила она.

– Думаю, – сказал полковник.

– Ну тогда я спокойна. Лет через пятьдесят мы наверняка получим эти деньги.

Но на самом деле полковник уже сам решил продать петуха сегодня. Он представил себе, как дон Сабас одиноко сидит перед вентилятором в ожидании ежедневного укола. Полковник заранее знал, что ему скажет кум.

– Возьми с собой петуха, – твердила жена. – Товар надо показывать лицом.

Но полковник отказался. Она проводила его до калитки, не теряя последней отчаянной надежды.

– Да пусть его там ждет хоть целое войско, – сказала она. – Возьми его за руку и не отпускай, пока он не заплатит девятьсот песо.

– Люди подумают, что мы готовимся совершить налет.

Жена пропустила его слова мимо ушей.

– Помни, что хозяин петуха – ты, – растолковывала она. – Что не кум тебе, а ты ему делаешь одолжение.

– Хорошо.

Дон Сабас сидел с врачом в спальне.

– Воспользуйтесь случаем и поговорите с ним прямо сейчас, – сказала полковнику жена дона Сабаса. – Он собрался в имение и сейчас консультируется с доктором насчет режима. Раньше четверга не вернется.

Полковником овладели противоречивые чувства. С одной стороны, он твердо решил продать петуха, с другой – жалел, что пришел именно сейчас: через час он мог бы уже и не застать дона Сабаса дома.

– Я могу подождать, – сказал он.

Но женщина и слышать ничего не желала. Она проводила его в спальню, где дон Сабас сидел в одних трусах на огромной пышной постели, уставившись на врача бесцветными глазами. Полковник подождал, пока врач, нагрев пробирку с мочой пациента, понюхал пар и одобрительно кивнул дону Сабасу.

– Лучше бы его сразу расстрелять, – сказал врач полковнику. – Диабет – чересчур долгий способ избавления от богачей.

– У вас уже почти получилось это с помощью ваших проклятых уколов инсулина, – сказал дон Сабас и подпрыгнул на своих дряблых ягодицах. – Ничего, я – крепкий орешек, вам не по зубам. – И обратился к полковнику: – Проходите, кум. Утром я побежал догонять вас, да где там… Даже шляпы вашей не увидел.

– Я не ношу шляпы, чтобы ни перед кем ее не снимать.

Дон Сабас начал одеваться. Врач сунул в карман пиджака пробирку с кровью для анализа, после чего навел порядок в своем саквояже, и полковник решил, что тот собирается уходить.

– На вашем месте, доктор, я прислал бы куму счет на сто тысяч песо. Тогда он не был бы так занят.

– Я уже предлагал ему пари на миллион, – сказал врач. – Лучшее лекарство от диабета – бедность.

– Спасибо за рецепт, – сказал дон Сабас, пытаясь втиснуть свой объемистый живот в брюки для верховой езды. – Но ради вашего же блага я не воспользуюсь им – чтобы избавить вас от несчастья быть богатым.

Врач полюбовался своими зубами, отражавшимися в никелированном замке саквояжа. Потом не торопясь взглянул на часы. Дон Сабас, натягивавший сапоги, вдруг обратился к полковнику:

– Ну, кум, что там у вас с петухом?

Полковник заметил, что врач тоже прислушивается к нему, и, сжав зубы, пробормотал:

– Ничего, кум. Просто я пришел продать его.

Дон Сабас наконец справился с сапогами.

– Ну и прекрасно, кум, – сказал он ровным голосом. – Это самое лучшее, что вы могли придумать.

– Я слишком стар для подобных дел, – оправдывался полковник, глядя в непроницаемые глаза врача. – Будь я лет на двадцать моложе, все было бы по-другому.

– Вы всегда будете на двадцать лет моложе своего возраста, – откликнулся врач.

Полковник перевел дыхание. Он ждал, что дон Сабас скажет еще что-нибудь, но тот молчал. Надел кожаную куртку на молнии и направился к двери.

– Если хотите, потолкуем на следующей неделе, кум, – сказал полковник.

– Именно это я и собирался вам предложить, – ответил дон Сабас. – У меня есть клиент, который, может быть, даст за вашего петуха четыреста песо. Но придется подождать до четверга.

– Сколько? – спросил врач.

– Четыреста песо.

– Я слышал, он стоит гораздо дороже, – заметил врач.

– Вы же мне говорили, девятьсот песо, – напомнил полковник, ободренный поддержкой врача. – Это лучший петух во всем департаменте.

– В другое время за него спокойно дали бы и тысячу, – объяснил дон Сабас врачу. – Но сейчас никто не решится выпустить на арену хорошего петуха.

Всегда есть риск получить пулю во время боя. – Он взглянул на полковника с наигранным сочувствием. – Именно это я и хотел вам сказать, кум.

Полковник кивнул головой.

– Понятно.

Он шел по коридору последним. Врача задержала в гостиной жена дона Сабаса. Она попросила лекарства «от этих недомоганий, которые возникают ни с того ни с сего, и ты не можешь понять, что с тобой такое». Полковник ждал врача в конторе. Дон Сабас открыл сейф, рассовал деньги по всем карманам и напоследок вручил четыре бумажки полковнику.

– Тут шестьдесят песо, кум, – сказал он. – Рассчитаемся, когда продадите петуха.

Полковник шагал с врачом мимо портовых магазинов и складов, которые начали оживать с наступлением вечерней прохлады. Груженный сахарным тростником баркас проплыл вниз по течению. Полковник вдруг заметил, что врач сегодня особенно неразговорчив.

– А как вы себя чувствуете, доктор?

Врач пожал плечами.

– Так себе, – ответил он. – Думаю, мне тоже не мешало бы показаться врачу.

– Сезон дождей, – сказал полковник. – Вот и у меня внутри беспорядок.

Врач внимательно посмотрел на него, не так, как смотрят на пациентов. Потом по очереди поздоровался с сирийцами, сидевшими перед своими магазинами. Возле приемной врача полковник снова заговорил о петухе.

– Я не мог поступить иначе, – объяснил он. – Это животное питается человеческим мясом.

– Единственное животное, которое питается человеческим мясом, – это дон Сабас, – сказал врач. – Уверен, что он перепродаст петуха за девятьсот песо.

– Вы думаете?

– Уверен, – повторил врач. – Это такое же выгодное дельце, как его знаменитый патриотический пакт с алькальдом.

Полковник не хотел в это верить.

– Кум пошел на сделку, чтобы спасти свою шкуру, – сказал он. – Для него это была единственная возможность остаться в городе.

– А еще это была возможность скупить за бесценок имущество товарищей по партии, которых алькальд выслал из города, – сказал врач и постучал в дверь, не обнаружив ключей в кармане. А потом снова обратился к полковнику, который стоял с ошарашенным видом: – Не будьте наивным. Деньги интересуют дона Сабаса куда больше, чем собственная шкура.

В этот день жена полковника вышла за покупками. Он проводил ее до магазинов сирийцев, продолжая обдумывать разговор с врачом.

– Пойди разыщи ребят из мастерской и скажи им, что петух продан, – посоветовала жена. – Пусть оставят свои надежды.

– Петух не будет продан, пока не вернется дон Сабас, – ответил полковник.

Он встретил Альваро в бильярдной, где тот играл в рулетку. Был воскресный вечер, и в заведении стоял дым коромыслом. Из-за радио, включенного на полную мощность, жара казалась еще нестерпимее. Полковник с интересом рассматривал яркие цифры на черной клеенке, обтягивающей длинный стол. Посреди стола, на ящике, горела керосиновая лампа. Альваро упорно ставил на двадцать три и каждый раз проигрывал. Следя за игрой из-за его плеча, полковник заметил, что чаще всего выигрывает одиннадцать: этот номер выпал четыре раза из девяти.

– Ставь на одиннадцать, – шепнул он Альваро на ухо. – Чаще всего выпадает. – Альваро напряженно вглядывался в клеенчатое поле. В следующую игру он ничего не поставил. Вместе с пачкой денег он достал из кармана листок бумаги и под столом передал его полковнику.

– Агустин писал, – сказал он.

Полковник спрятал листовку в карман. А Альваро сразу сделал большую ставку на одиннадцать.

– Не торопись, – сказал полковник.

– У меня хорошее предчувствие, – отозвался Альваро.

Как только закрутилось огромное разноцветное колесо, игроки, сидевшие неподалеку, вдруг сняли свои ставки с других номеров и поставили на одиннадцать. У полковника замерло сердце. Он впервые переживал сладость и горечь азарта.

Выпало пять.

– Так я и знал, – сказал полковник, смущенно наблюдая, как деревянные грабельки сгребают деньги Альваро. – Угораздило же меня лезть не в свое дело.

Альваро, не глядя на него, улыбнулся.

– Не огорчайтесь, полковник. Попытайте счастья в любви.

Внезапно музыка смолкла. Игроки, подняв руки, бросились врассыпную. Полковник услышал за спиной сухой, холодный, четкий щелчок ружейного затвора. Он понял, что, вдобавок ко всем несчастьям, нарвался на полицейскую облаву с листовкой в кармане. Не поднимая рук, он постарался как можно незаметнее повернуться. И тут в первый раз увидел человека, который застрелил его сына. Он остановился прямо перед полковником, почти касаясь его живота дулом винтовки. Приземистый, с индейскими чертами и дубленой кожей. Пахло от него, как от младенца. Полковник сжал зубы и осторожно, кончиками пальцев, отвел ствол в сторону.

– Разрешите, – сказал он.

И уперся в маленькие круглые глаза летучей мыши. Эти глаза в одно мгновенье проглотили его, прожевали, переварили и изрыгнули.

– Пожалуйста, полковник. Проходите.

* * *

Не нужно было открывать окно, чтобы убедиться в том, что на дворе декабрь. Полковник учуял его каждой косточкой еще на кухне, пока резал фрукты на завтрак петуху. Потом открыл дверь во двор и понял, что его предчувствие оправдалось. Трава, деревья и даже будка уборной словно парили в чистом прозрачном утреннем воздухе.

Жена не вставала с постели до девяти. К тому времени, как она появилась на кухне, полковник уже убрался в комнатах и разговаривал с детьми, окружившими петуха. Ей пришлось обойти их, чтобы подобраться к плите.

– Вы мне мешаете! – прикрикнула она и бросила на петуха недовольный взгляд. – Когда же наконец мы избавимся от этой злосчастной птицы?

Полковник внимательно посмотрел на петуха, пытаясь догадаться, чем тот мог не угодить его жене. Вид у петуха был довольно жалкий: гребень порван, шея и ноги голые, сизого цвета. Тем не менее к тренировкам он был полностью готов. И в любом случае, не заслуживал упреков.

– Забудь о петухе и выгляни в окно, – сказал полковник, когда дети ушли. – В такое утро хочется сфотографироваться на память.

Жена выглянула в окно, но выражение ее лица не изменилось.

– Мне бы хотелось посадить розы, – сказала она, вернувшись к плите.

Полковник укрепил возле плиты зеркало и начал бриться.

– Хочешь посадить розы – сажай, – сказал он.

Он видел в зеркале отражение жены и старался водить бритвой в такт ее движениям.

– Их сожрут свиньи, – сказала она.

– Ну и пусть, – сказал полковник. – Зато какими вкусными будут свиньи, откормленные розами. – Он поискал жену в зеркале и убедился, что лицо ее по-прежнему нахмурено. В отблесках огня оно казалось вылепленным из той же глины, что и очаг. Не спуская с нее глаз, полковник продолжал бриться на ощупь, как привык за долгие годы.

Жена надолго задумалась, потом произнесла:

– Неохота мне их сажать.

– Ладно, – сказал полковник. – Не сажай.

Он неплохо себя чувствовал. Декабрь изрядно высушил растительность в его кишках. Правда, когда он попытался надеть новые ботинки, выяснилось, что его подкарауливает еще одна неприятность. После нескольких неудачных попыток он сдался и надел лакированные. Это не укрылось от глаз жены.

– Если ты не будешь ходить в новых ботинках, ты никогда их не разносишь, – сказала она.

– Это ботинки для паралитика, – буркнул полковник. – Их можно продавать только после того, как кто-нибудь их разносит.

Полковник вышел на улицу, подгоняемый предчувствием, что сегодня он непременно получит письмо. До прибытия катеров оставалось еще много времени, и он решил заглянуть в контору дона Сабаса. Но там ему подтвердили, что дон Сабас не вернется раньше понедельника. Непредвиденная задержка не поколебала решимости полковника. «Рано или поздно он все равно приедет», – сказал он себе и отправился в порт. То был час необыкновенной, еще ничем не замутненной утренней ясности.

– Хорошо бы декабрь продолжался весь год, – пробормотал он, усевшись в магазине сирийца Моисея. – Чувствуешь себя так, словно сам стал прозрачным.

Сирийцу Моисею пришлось напрячься, чтобы перевести эту мысль на арабский язык, который он почти забыл. Это был тихий восточный человек с гладкой, без единой морщинки, кожей и вялыми движениями утопленника. При взгляде на него действительно казалось, что его только что вытащили из воды.

– Так было раньше, – сказал он. – Будь так сейчас, мне было бы восемьсот девяносто семь лет. А тебе?

– Семьдесят пять, – сказал полковник, не спуская глаз с почтового инспектора. И только тут увидел цирк, узнал его шатер в заплатах на палубе почтового катера, среди пестрых тюков. На минуту он потерял инспектора из виду, пытаясь рассмотреть зверей среди ящиков, громоздившихся на других катерах. Но зверей там не оказалось.

– Цирк, – сказал он. – Первый за десять лет.

Сириец Моисей обсудил новость со своей женой. Они разговаривали на смеси арабского с испанским. Жена отвечала из заднего помещения магазина. То, что она сказала, Моисей сначала обдумал сам, а потом разъяснил полковнику:

– Она ищет, куда бы спрятать кота, полковник. Боится, что мальчишки украдут его и продадут в цирк.

Полковник приготовился следовать за инспектором.

– Это же не цирк зверей, – сказал он.

– Неважно, – ответил сириец. – Канатоходцы едят котов, чтобы не переломать себе кости.

Полковник шел за инспектором мимо портовых лавочек. На площади его внимание привлекли громкие крики, доносившиеся с арены. Прохожий сказал ему что-то невразумительное по поводу петуха. Только тут полковник вспомнил, что на сегодня назначены первые тренировки. И прошел мимо почты. А минуту

спустя он уже окунулся в беспокойную обстановку схватки. На арене стоял его петух – одинокий, беззащитный, с укутанными в тряпки шпорами и явно испуганный, судя по тому, как дрожали у него ноги. Противником был грустный петух пепельного цвета.

Полковник бесстрастно смотрел на петухов. Они яростно сцепились друг с другом, превращаясь временами в клубок из перьев, ног и шей, под восторженные крики зрителей. Отброшенный к барьеру пепельный петух кувыркался через голову и снова бросался в бой. Петух полковника не атаковал. Он отбивал все наскоки соперника и вновь оказывался на прежнем месте. Ноги у него больше не дрожали.

Герман перепрыгнул барьер, поднял петуха полковника и показал зрителям на трибунах. Раздались громкие крики, аплодисменты. Полковник подумал, что энтузиазм публики преувеличен. Все происходящее показалось ему фарсом, в котором сознательно, по доброй воле участвуют и петухи.

С немного презрительным любопытством он осмотрел круглую арену. Возбужденная толпа ринулась по уступам трибун вниз. Полковник разглядывал раскрасневшиеся, возбужденные, сияющие радостной надеждой лица. Это были новые люди. Новые люди в их городе. И тут, словно в каком-то озарении, он вспомнил и заново пережил мгновения, давно уже затерявшиеся на окраинах его памяти. Он перепрыгнул барьер, протиснулся сквозь толпу и встретился со спокойным взглядом Германа. Они смотрели друг на друга не мигая.

– Добрый день, полковник.

Полковник взял у него петуха. Тихо произнес: «Добрый день» и больше ничего не добавил, ощутив пальцами горячую дрожь птицы. Он подумал, что никогда еще не чувствовал в руках ничего более живого, чем этот петух.

– Вас не было дома, – виноватым тоном проговорил Герман.

Его прервал новый взрыв оваций. Полковник смутился. Оглушенный грохотом аплодисмен- тов, он снова, ни на кого не глядя, протиснулся сквозь толпу и с петухом под мышкой выбрался на улицу.

Весь город, а вернее, весь простой люд вышел посмотреть, куда это он направляется в окружении школьников. На углу площади гигантского роста негр, обмотав вокруг шеи змею, взобрался на стол и торговал какими-то шарлатанскими снадобьями. Толпа людей, возвращавшихся из порта, остановилась послушать его зазывания. Но при появлении полковника с петухом все повернулись к нему. Никогда еще дорога домой не была для полковника такой долгой.

Но он не жалел. Десять лет город жил в сонной дреме, время для него словно замерло. Но в эту пятницу – еще одну пятницу без письма – все пробудились. Полковник вспомнил другие времена: вот он, его жена и сынишка сидят, укрывшись под зонтом на спектакле, который шел, несмотря на ливень; вот партийные руководители, тщательно причесанные, в такт музыке обмахиваются веерами во дворе его дома. В ушах у полковника до боли явственно прогремела дробь барабана.

Он пересек улицу, параллельную реке и здесь тоже шумную, как во время выборов, о которых все уже давно позабыли. Люди наблюдали за разгрузкой цирка. Какая-то женщина из глубины своей лавки крикнула ему что-то про петуха. Но полковник был целиком погружен в себя и прислушивался к далеким, почти забытым голосам, все еще звучавшим в душе, как отголоски недавней овации на арене.

Дойдя до дома, он обернулся к детям.

– А теперь – все по домам! Не то возьму ремень.

Он запер дверь на засов и сразу прошел на кухню. Жена, тяжело дыша, вышла из спальни.

– Они унесли его без спросу! – закричала она. – Я говорила им, что петух не покинет нашего дома, покуда я жива.

Под ее громкие причитания полковник привязал петуха к столбу рядом с плитой и сменил воду в его миске.

– А они сказали, что перешагнут даже через наши трупы, потому что петух принадлежит не нам, а всему городу.

Только закончив с петухом, полковник вгляделся в расстроенное лицо жены и без удивления заметил, что оно не вызывает у него ни угрызений совести, ни жалости.

– Они поступили правильно, – устало сказал он. Затем, порывшись в карманах, с какой-то бездонной нежностью добавил: – Петух не продается.

Жена проводила его в спальню. Полковник выглядел вроде бы обычно и в то же время каким-то далеким, словно она видела его на экране. Он вынул из шкафа деньги, прибавил к ним те, что лежали у него в карманах, пересчитал и убрал в шкаф.

– Здесь двадцать девять песо, мы вернем их куму Сабасу, – сказал он. – Остальные уплатим, когда получим пенсию.

– А если не получим? – спросила жена.

– Получим.

– А вдруг?

– Тогда, значит, не уплатим.

Он нашел под кроватью новые ботинки. Вернулся к шкафу за картонной коробкой, вытер подметки тряпкой и положил ботинки в коробку – так, как они лежали, когда жена принесла их в воскресенье вечером.

– Ботинки вернем в магазин, – сказал полковник. – Это еще тридцать песо.

– Их не примут, – сказала жена.

– Должны принять, – возразил полковник. – Я надевал их всего два раза.

– Турки этого не понимают, – сказала жена.

– Должны понимать.

– А если они все равно не понимают?

– Им же хуже.

Спать они легли без ужина. Полковник подождал, пока жена кончит молиться, и погасил лампу. Но уснуть не мог. Он услышал колокола киноцензуры и почти сразу после этого – на самом деле три часа спустя – звуки комендантского часа. От холодного ночного воздуха дыхание жены вновь стало хриплым. Глаза у полковника все еще были открыты, когда она заговорила с ним, на этот раз спокойно, примирительно:

– Не спишь?

– Нет.

– Прошу тебя, подумай еще раз. Поговори завтра с кумом Сабасом.

– Он не вернется до понедельника.

– Тем лучше, – сказала жена, – у тебя в запасе три дня, чтобы передумать.

– Мне нечего передумывать, – сказал полковник.

Липкие октябрьские туманы сменились приятной свежестью. Декабрь заявлял о себе во весь голос, в том числе и криками выпи, которые слышались теперь в другое время. В два часа полковник еще не спал. И знал, что жена тоже лежит без сна. Он повернулся в гамаке.

– Не спишь? – снова спросила она.

– Нет.

Она немного помолчала и поворочалась в постели, устраиваясь поудобнее.

– Мы не можем себе этого позволить, – наконец сказала она. – Подумай только, что такое для нас эти четыреста песо.

– Недолго осталось ждать, пенсия должна вот-вот прийти, – сказал полковник.

– Я слышу об этом уже пятнадцать лет.

– Вот именно, – сказал полковник. – Поэтому теперь она не заставит себя ждать.

Жена умолкла. А когда заговорила вновь, полковнику показалось, что время остановилось.

– У меня такое чувство, что эти деньги никогда не придут.

– Придут.

– А если не придут? – Но полковник уже не слышал.

Первые крики петуха на мгновение разбудили его, после чего он опять погрузился в крепкий глубокий сон без сновидений. Когда он окончательно пробудился, солнце стояло высоко. Жена еще спала. Полковник методично, хотя и с двухчасовой задержкой, проделал все, чем обычно занимался по утрам, и стал ждать, когда она проснется, чтобы сесть завтракать.

Она появилась из спальни с неприступным видом. Пожелав друг другу доброго утра, они в молчании сели за стол. Полковник выпил чашку кофе с куском сыра и булочкой. Все утро он провел в портняжной мастерской. В час дня вернулся и застал жену среди бегоний – она занималась починкой одежды.

– Пора обедать, – сказал он.

– Обеда нет, – сказала она.

Он пожал плечами и отправился заделывать дырки в изгороди, через которые дети проникали в кухню. А когда вернулся в дом, стол был на- крыт.

За обедом полковник заметил, что жена с трудом сдерживает слезы. Это встревожило его. Он знал ее твердый от природы характер, ставший еще более твердым после сорока лет горестей и лишений. Даже смерть сына не выжала из

нее ни слезинки.

Он посмотрел на нее с упреком. Она закусила губы, вытерла глаза рукавом и снова принялась за еду.

– Ты не считаешься со мной.

Полковник промолчал.

– Ты капризный, упрямый и неблагодарный человек, – сказала жена. Она положила ложку с вилкой крест-накрест, но тут же суеверно разъединила их. – Я отдала тебе всю свою жизнь, а теперь выходит, что петух для тебя важнее, чем я.

– Это не так, – сказал полковник.

– Нет, так, – возразила жена. – Пора бы тебе заметить, что я умираю. То, что со мной происходит сейчас, – не болезнь. Это агония.

Полковник не проронил ни слова, пока не вышел из-за стола.

– Если доктор даст мне гарантию, что после продажи петуха у тебя пройдет астма, я тут же его продам, – сказал он. – Но если не даст гарантии, не продам.

После обеда полковник понес петуха на арену. Когда он вернулся, у жены начинался приступ. Она ходила по коридору с распущенными волосами, раскинув руки и жадно втягивая в себя свистящий воздух. Она ходила так до самого вечера, а потом легла, ничего не сказав мужу.

Когда протрубил комендантский час, она еще шептала молитвы. Полковник хотел погасить лампу, но она воспротивилась, сказав:

– Не хочу умирать в темноте.

Полковник оставил лампу на полу. Он чувствовал себя совершенно разбитым, хотелось забыть обо всем, заснуть и проснуться через сорок пять дней – двадцатого января в три часа пополудни – в тот самый момент, когда его петуха

выпустят на арену. Но сон не шел к нему, оттого что жена не спала.

– Вечная история, – вновь заговорила жена через какое-то время. – Мы голодаем, чтобы ели другие. И так уже сорок лет.

Полковник подождал, когда жена окликнет его и спросит, спит он или нет. Ответил, что не спит. Она продолжила ровным, монотонным, неумолимым голосом:

– Все выиграют, кроме нас. Мы единственные, у кого не найдется ни одного сентаво, чтобы поставить на петуха.

– Хозяин петуха имеет право на двадцать процентов.

– Ты имел право и на пенсию ветерана, после того как рисковал шкурой на гражданской войне. И теперь все как-то устроились, а ты остался один и умираешь с голоду.

– Я не один, – сказал полковник.

Он начал ей что-то объяснять, но его сморил сон. Она продолжала бормотать свое, пока не заметила, что муж уснул. Тогда она откинула сетку и стала ходить взад-вперед по темной гостиной, не переставая говорить. Полковник позвал ее уже на рассвете.

Она возникла в дверях, как привидение, освещенная снизу совсем уже тусклым светом лампы. Прежде чем лечь, она погасила лампу. И все говорила без умолку.

– Давай-ка сделаем вот что… – наконец прервал ее полковник.

– Единственное, что можно сделать, – это продать петуха, – сказала жена.

– Но можно же продать и часы.

– Никто их не купит.

– Завтра договоримся с Альваро, чтобы он дал за них сорок песо.

– Не даст.

– Тогда продадим картину.

Жена снова встала с постели, окутанная запахами лекарственных трав.

– Ее не купят.

– Посмотрим, – сказал полковник негромким спокойным голосом. – Сейчас пока спи. Если завтра ничего не продадим, тогда и подумаем, что еще можно сделать.

Он пытался лежать с открытыми глазами, но в конце концов сон его поборол. Полковник провалился в забытье, где не было ни времени, ни пространства и где слова жены приобретали иной смысл. Спустя мгновение он почувствовал, что она трясет его за плечи.

– Ответь же мне!

Полковник не знал, во сне он услышал эти слова или наяву. Светало.

За окном ясно обозначилась светлая зелень воскресного утра. Полковник почувствовал, что у него начинается жар: веки горели, собраться с мыслями было чрезвычайно трудно.

– Что мы будем делать, если не сможем ничего продать? – не унималась жена.

– Тогда уже наступит двадцатое января, – сказал полковник, окончательно проснувшись. – Двадцать процентов выплачивают в тот же день.

– Это если петух победит, – сказала жена. – А если нет? Тебе не приходило в голову, что он может проиграть?

– Наш петух не может проиграть.

– А вдруг?

– Остается еще сорок пять дней, – сказал полковник. – Зачем думать об этом сейчас?

Жена пришла в отчаяние.

– А что мы будем есть все это время? – Она схватила полковника за ворот рубашки и с силой тряхнула. – Скажи, что мы будем есть?

Полковнику понадобилось прожить на свете семьдесят пять лет – все семьдесят пять лет своей жизни минуту за минутой, чтобы дожить до этого мига. И он ощутил себя непобедимым, когда четко и невозмутимо произнес:

– Дерьмо.

Париж, январь 1957 г.

Шалая листва

Злосчастного же тело Полиника

Он всем через глашатая велит

Не погребать и не рыдать над ним,

Чтоб, не оплакан и земле не предан,

Он сладкой стал добычей хищным птицам.

Как слышно, сам Креонт по доброте

Тебе и мне – да, мне! – о том объявит.

Сюда идет он возвестить приказ

Не знающим его, считая дело

Немаловажным, – и ослушник будет

Побит камнями перед всем народом[3 - Фрагмент из трагедии Софокла «Антигона» приводится в переводе С. Шервинского и Н. Познякова.].

(Из «Антигоны»)

Вдруг – словно бы вихрь пустил корни посреди городка – нагрянула банановая компания, а за нею налетела шальная листва. Листва взбаламученная, растревоженная, сплошь из людских ошметков и кусков иных селений: отголосков гражданской войны, с каждым днем все более далекой и невзаправдашней. Поток листвы был неумолим. Все вокруг она заражала суматошным запахом столпотворения, смрадом выделений, витающих над самой кожей, и потаенной смерти. Меньше чем за год завалила городок сором многочисленных бедствий, явившихся раньше ее самой, расшвыряла по улицам невнятные кучи отбросов. И отбросы эти споро, в непредсказуемом спотыкающемся ритме бури разделялись в себе и обретали собственный облик, покуда не превратили нечто, состоявшее из улочки с рекой на одном конце и захудалым погостом на другом, в своеобычный и непростой городок, собранный из отбросов других городков.

Вперемешку с порывистым необоримым людским листопадом принесло отбросы лавок, лечебниц, увеселительных заведений, электростанций, отбросы одиноких женщин и тех мужчин, что привязывали мула у столба в первой гостинице и из багажа имели разве деревянный сундук либо узелок с платьем, а через пару месяцев уже жили в собственном доме с двумя любовницами и носили военное звание, настигшее их с опозданием, потому как и сами они на войну опоздали.

Отбросы печальной любви больших городов и те добрались до нас с шалой листвою и понастроили деревянных домиков; и сперва выделили по уголку, где полкойки сходило за сумрачный приют на одну ночь, а после проложили шумную подпольную улицу, а еще позже устроили целый поселок терпимости внутри городка.

В воронке этого смерча, в круговороте незнакомых лиц, навесов, расставленных поперек тротуара, мужчин, переодевавшихся посреди улицы, женщин, восседавших под зонтиками на сундуках, и бесчисленных мулов, брошенных

подыхать с голоду в гостиничной конюшне, первые становились последними, и все мы здесь были чужаками, пришлыми.

После войны, приехав в Макондо и убедившись в свойствах тамошней почвы, мы уже знали, что шалая листва рано или поздно нас занесет, но не представляли покуда ее силы. Поэтому, когда лавина подступила, нам ничего не оставалось, кроме как выставить за порог тарелку с вилкой и ножом и дожидаться, чтобы вновь прибывшие соизволили с нами познакомиться. Тогда-то впервые и раздался гудок поезда. Шалая листва подалась вспять и ринулась ему навстречу и в развороте утеряла запал, но обрела единство и плотность, подверглась естественному прению и слилась с проростками под землей.

(Макондо, 1909)

1

Я впервые увидел покойника. Сегодня среда, но у меня чувство, будто на дворе воскресенье, потому что в школу я не пошел и одели меня в зеленый вельветовый костюм, который кое-где жмет. Мама ведет меня за руку вслед за дедом, а тот перед каждым шагом постукивает тростью (он плохо видит в полутьме, да еще и хромает); проходя мимо зеркала в гостиной, я увидел себя в полный рост, всего в зеленом и с белым крахмальным бантом, который тоже с одной стороны жмет шею. Я посмотрелся в круглое мутное зеркало и подумал: «Вот он я, будто на дворе воскресенье».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

2 ноября в католической традиции – День поминовения усопших.

2

Рафаэль Эскалона – колумбийский писатель, автор популярных песен.

3

Фрагмент из трагедии Софокла «Антигона» приводится в переводе С. Шервинского и Н. Познякова.

Купить: https://tellnovel.com/markes_gabriel-garsia/polkovniku-nikto-ne-pishet-shalaya-listva-rasskaz-cheloveka-okazavshegosya-za-bortom-korablya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити